

A. V. Красножон

Крепость двух Стефанов: о заказчиках и времени основания белгородских укреплений

A. V. Krasnozhon.

Fortress of Two Stephans: on Customers and the Dating of Belgorod Fortifications.

It was traditionally considered that medieval fortress in Belgorod on Dniester was built in a few stages, during 90 years (from 1390 — to 1479), and the territory of defensive complex during this time gradually broadened from 0,09 ga to 8,73 ga. However, many facts revealed by the historical-architectural analysis of the fortress prove that the fortress was built rather quickly and works on its construction did not last more than two years (1438—1440). Some wide-scale modernization works on the complex were carried out in 1470-1475.

Building of this fortress was stimulated by continuous feudal conflicts between the two pretenders on Moldavian throne — Stephen II and his brother Iliăș. As a result, the country was divided into spheres of influence, and Belgorod in 1438 grew into the capital of Țara de Jos ruled by Stephen II. Modernization in 1470s, carried out during Stephan III the Great's rule, was motivated by the Ottoman military aggression in the region.

A. V. Krasnozhon.

Cetatea a doi Ștefani: despre ctitorii și perioada de fundare a elementelor defensive din Belgorod.

Tradițional se considera, că cetatea medievală din Belgorod pe Nistru a fost construită în câteva etape, în decursul a 90 ani (din anii 1390 pînă la 1479), iar suprafața complexului defensiv s-a lărgit consecutiv de la 0,09 la 8,73 hectare. Cu toate acestea, rezultatele analizei istorico-arhitecturale a cetății permit interpretarea ei în calitate de un obiect construcțional simultan, ridicarea căruia a durat doar aproximativ doi ani (1438—1440), lucrări masive de modernizare a complexului fiind realizate în a doua jumătate a anilor 70 ai sec. XV.

În baza fundării și construcției cetății au stat conflictele de lungă durată dintre doi pretendenți la tronul Țării Moldovei — Ștefan II și fratele său Iliăș. Aceste divergențe au adus la împărțirea statului moldovean în diferite sfere de influență, Belgorod devenind în 1438 capitala Țării de jos sub conducerea lui Ștefan II. Modernizările din anii 1470, din perioada domniei lui Ștefan III, au fost provocate de agresiunea militară otomană în regiune.

A. V. Красножон.

Крепость двух Стефанов: о заказчиках и времени основания Белгородских укреплений.

Традиционно считалось, что средневековая крепость в Белгороде-Днестровском строилась в несколько этапов, на протяжении 90 лет (с 1390-х — по 1479 гг.), а территория оборонного комплекса в течение этого времени постепенно расширялась от 0,09 га до 8,73 га. Однако факты, полученные в результате проведенного историко-архитектурного анализа крепости, позволяют видеть в ней единовременный строительный объект, на возведение которого ушло всего около двух лет (1438—1440 гг.). В первой половине 70-х гг. XV в. произошли масштабные работы по модернизации комплекса.

Стимулом для основания и строительства крепости послужили затяжные междоусобные конфликты двух претендентов на молдавский престол — Стефана II и его брата Ильяша, в результате чего страна была поделена на сферы влияния, а Белгород в 1438 г. превратился в столицу Цара де Жос господаря Стефана II. Причиной модернизаций в 1470-х гг., пришедших на эпоху правления господаря Стефана III Великого, послужила османская военная агрессия в регионе.

Keywords: Belgorod fortress, “the Time of Troubles” in Moldavian Principality, Stephan II, construction activities of Stephan III, Moncastro, Dniester estuary, defensive ditch.

Cuvinte-cheie: Cetatea din Belgorod, „timpurile tulburi” ale Țării Moldovei, Ștefan II, activitatea de construcție a lui Ștefan III, Moncastro, limanul Nistrului, sistem defensiv

Ключевые слова: Белгородская крепость, «смутное время» Молдавского княжества, Стефан II, строительная деятельность Стефана III, Монкастро, Днестровский лиман, оборонный ров.

Современное состояние источников в исследованиях Белгород-Днестровской крепости (далее — Белгородской) находится на уровне, предполагающем высокую степень гипотетичности выводов применительно к серии ключевых вопросов: когда была основана крепость, кем она была выстроена, и как развивались ее укрепления в хронологической перспективе.

Критика «концепции долгостроя»

Согласно историографической традиции, на строительство Белгородской крепости ушло от 60 до 90 лет (Шлапак 2001: 46—47, 141; Бруяко, Сапожников 2000: 443—451; Очерки 1979: 79; Войцеховский 1969), при общей площади обороняемой территории 8,73 га и объемах строительного камня 53237,55 м³. На основании свидетельств, в основном, lapидарных источников (Мурзакевич 1850: 480—483; Кочубинский 1889: 506—547) была установлена общая последовательность строительных периодов крепости доосманского времени. Предполагается, что в течение всего этого срока укрепления развивались в три этапа:

1) Не позже 1396 г. появилась цитадель (дата основания и сроки строительства не определены).

2) С 1421 по 1440 гг. возводились стены и башни Военного двора (т.н. «Малая крепость»).

3) С 1476 по 1479 гг. (включительно) возвели укрепления Гражданского двора.

Говоря иначе: «строительство внешнего пояса каменных укреплений могло быть начато молдавскими господарями между 1396 и 1440 гг., а закончено Стефаном Великим в 1479 г.» (Шлапак 2001: 64).

В цифровом выражении эти данные выглядят следующим образом. «Малая крепость» строилась почти 20 лет, в течение которых было уложено около 12 тыс. м³ камня. В то время как кладку, объемом более чем 15 тыс. м³ (стены и башни Гражданского двора), каменщики успели поднять в течение 5 лет. Тогда же они должны были вырыть ров (по логике вещей) объемом почти 106,750 м³, облицевать его камнем, построить в нем две внутренние башни и возвести внешние стены перибола с объемом кладки более 5 тыс. м³.

Впрочем, ров, перибол и Торговый двор вообще не прописаны в указанной схеме поэтапного развития Белгородской крепости. Между тем, трудовременные затраты, которые ушли на сооружение рва, приравниваются аналогичным показателям по возведению всех

каменных сооружений крепости (включая цитадель). Объем рва превышает более чем в два раза объем всех использованных строительных материалов при кладке стен и башен Белгорода. Другими словами, если всю крепость (включая фундаменты) разобрать на блоки и выложить во рву, то он заполнится менее чем на половину.

С позиции концепции поэтапного расширения площади Белгородской крепости (Шлапак 2001: 58), трудно объяснить, как именно происходило «преобразование» первоначальной «Малой крепости» (Войцеховский 1969: 341) в «большую», не вступая в противоречия с данными о конструктивных и архитектурных особенностях рассматриваемого объекта. Так, одним из основных аргументов «концепции» является сама планировка оборонного комплекса (рис. 1), в частности, его внутренняя стена, которая разграничивает на плане два основных двора и вызывает соблазн делить саму крепость на два разновременных объекта.

По всем конструктивным и архитектурным признакам разделительная стена не могла выполнять функции южной линии обороны т.н. «Малой крепости». Об этом свидетельствует ее толщина — 2,6 м против 3—3,5 м внешних стен Военного двора. Кроме того, стена снабжена всего одной башней на 170 м своей длины, в то время как с восточной (тоже напольной) стороны того же двора таких башен насчитывается шесть, на 140 м куртин. Если же оборону на этом самом опасном участке предполагалось организовать без башен, то удивляет отсутствие каменных лестниц при куртинах. На всем протяжении стены таковых насчитывается всего лишь три, в то время как другие сектора внешней оборонительной линии крепости (на аналогичных участках, с напольной стороны), снабжены лестницами в среднем через каждые 30 м (рис. 1).

К тому же, ко времени окончания строительства стены в 1440 г. (Мурзакевич 1850: 480—483), напротив центральной ее части, в 15 м к югу, уже столетие как располагалась одноапсидная церковь (сооруж. №III/7) (Мезенцева 1981: 283—284). По меньшей мере удивительно, чтобы зодчий т.н. «Малой крепости» проигнорировал культовую постройку, при выносе на местность ее предполагаемого южного оборонительного фронта (рис. 1). Оставляя храм с внешней стороны южных укреплений, под самой стеной, означало обеспечить штурмующих прекрасным укрытием, а святыню подвергнуть потенциальной опасности.

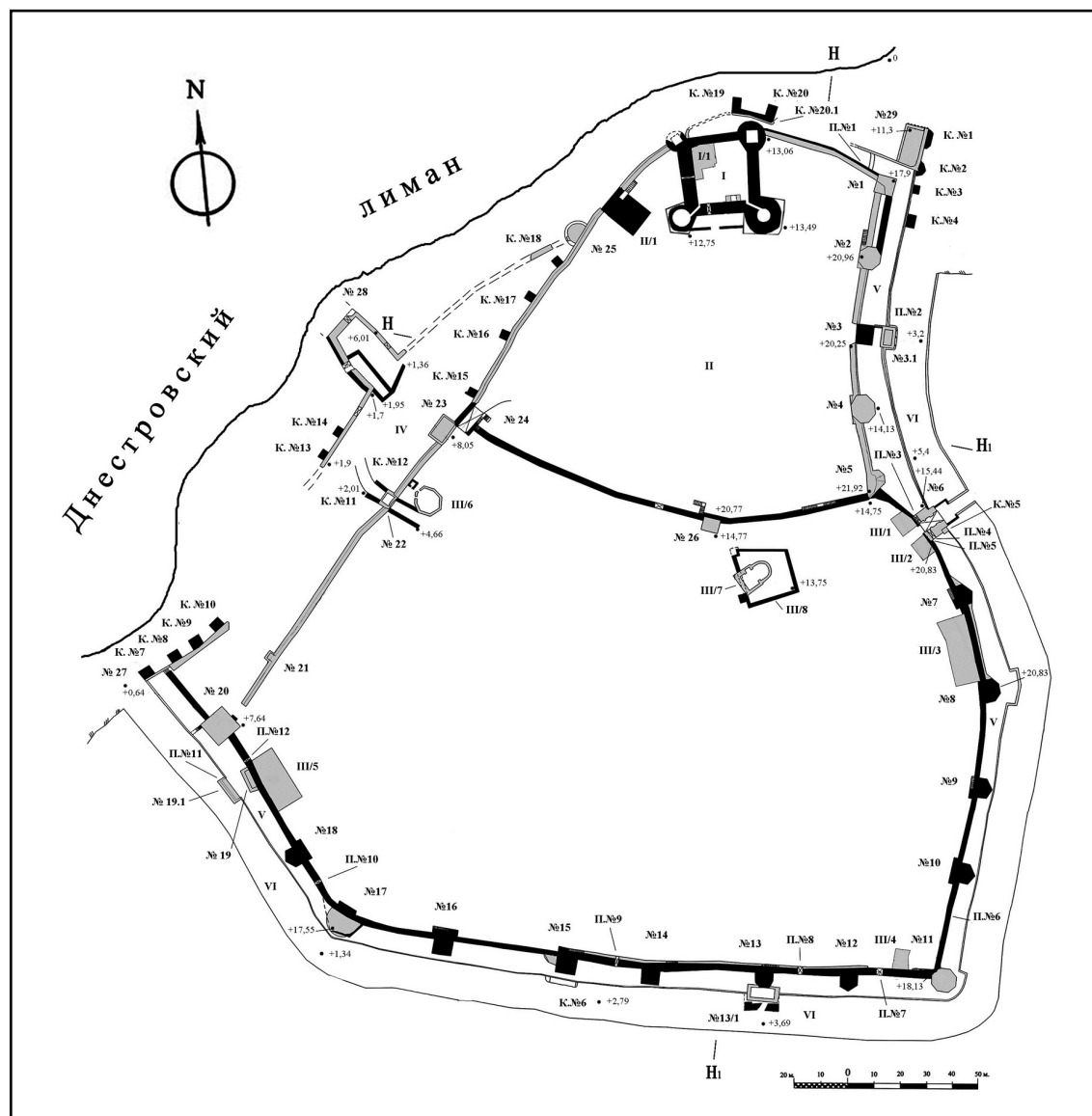

Рис. 1. Обмерный план Белгород-Днестровской крепости. I — Цитадель; II — Военный (малый) двор; III — Гражданский (большой) двор; IV — Торговый двор; V — Перибол; III/2 — Внутренние постройки (помещения хозяйственного назначения, цейхгаузы, культовые сооружения); № 1 — Потерны; К.№5 — Контрфорсы; П.№1 — Потерны; +13,49 — Отметки высот над уровнем моря. *Примечание:* разными оттенками заливки контуров показаны сегменты в пределах границ стыковочных швов.

Письменные источники

Сведения письменных источников, на которых основываются все современные представления о времени закладки Белгородской крепости, не многочисленны. Эвлия Челеби об этом говорит следующее: «Первооснователем ее является Салсал. В его время название этой крепости было Богаз-конман» (Челеби 1961: 33). В этих словах усматривается осколок некой полуполюгендарной истории, которую Челеби, скорее всего, узнал по прибытии в город от местных жителей. Более информативным представляется отрывок из «Записок» Гильбер де

Ланнуа. Побывав в Монкастро (Белгороде) в 1421 г., рыцарь пишет: «в это самое время, при мне, (прибывает) упомянутый губернатор Подолии, Гельдигольд, с тем, чтобы на одном из берегов реки основать и соорудить новый замок, который был выстроен менее чем в один месяц в пустынном месте, где нет ни леса, ни камней; но сказанный губернатор привел двенадцать тысяч человек и четыре тысячи повозок, нагруженных камнем и лесом» (Брун 1853: 438—439).

На основании изложенных Ланнуа сведений трудно утверждать, что строительство Белгородской крепости началось именно в год путешествия рыцаря,

при непосредственном «наблюдении губернатора Подолии Гельдигольда при помощи литовского князя Витовта», как реакция на турецкий поход 1420 г. (Шлапак 2001: 27). В тексте источника нет ни слова о том, что подчиненный литовского князя Витовта строил замок именно в Белгороде. Если бы он имел отношение к строительству укреплений в этом городе, рыцарь выразился бы более определенно, не прибегая к размытому географическому определению: «на одном из берегов реки». Кроме того, Белгород первой трети XV в. не подходит под определение «места пустынного». Это довольно крупный город (Егоров 1985: 79—82; Кравченко 1986), с населением до 10 тыс. чел. (Полевой 1979: 118). Тем более что и строительного камня здесь избыток, хоть и наблюдается недостаток лесов.

Но главное — именно в 1421 г. молдавский господарь Александр Добрый разорвал династический союз с Витовтом, отвергнув его сестру Ригмайлу, на которой был женат. По некоторым сведениям, литовский князь даже собирался напасть на Молдавию. Поэтому в отечественной историографии уже давно оформилась реакция на попытки сопоставления литовского «замка Гельдигольда» с Белгородом: «При таком развитии событий, сведения Ланнуа о сооружении подольским старостой Гельдигольдом каких-то укреплений в районе Белгорода трудно рассматривать как помощь Витовта Молдавии в восстановлении и реконструкции Белгородской крепости. Речь может идти лишь о строительстве литовских укреплений, угрожавших Белгороду» (Очерки 1979: 46).

Не заметил также рыцарь в Белгороде и серьезных строительных работ, о которых он несомненно упомянул бы, как произошло в случае с проектом Гельдигольда. И если бы здесь уже была мощная крепость, путешественник не ограничился бы пространной фразой об «укрепленном городе и порте» (*ville ferme et port*) (Брун 1853: 438—439), характеризуя перед неискушенным читателем малоизвестный Монкастро.

Никакой крепости в Белгороде не заметил и дьякон Сергиева монастыря Зосим, который останавливался в городе на целых две недели в 1419 г., по пути в Царьград и Палестину (Прокофьева 1971: 12).

Таким образом, есть основание предполагать, что масштабное строительство, которое привело к появлению здесь крупной, по средневековым меркам, крепости, развернулось уже после визита Ланнуа. Существовавшие в Белгороде некие фортификационные сооружения заслужили с его стороны лишь беглого упоминания. Наверняка ядром «крепкого

города» являлся четырехбашенный замок, датируемый концом XIV в., и именуемый в системе оборонного комплекса Белгородской крепости «цитаделью» (рис. 1).

На эту его датировку ясно указывает карта из Codex Latinus Parisinus № 7239, которая была составлена по приказу венгерского короля Сигизмунда Люксембургского (Dumitriu-Snagov 1979) не позднее 1396 г. На карте изображен четырехбашенный замок, напоминающий нынешнюю цитадель Белгорода, с сопутствующей подписью: «Monhcastro», в районе нижнего течения Днестра. Замок изображен автономно, вне каких-либо крепостных стен или городских построек (Очерки 1979: 27).

Лапидарные источники

Известно всего пять закладных строительных плит из Белгородской крепости. Наиболее ранней, из датированных, является мраморная плита с южного фасада западной куртины разделительной стены (Мурзакевич 1850: 180—183). Верхнюю, большую ее часть занимает изображение хачкара XV в. (Якобсон 1986) между ветвями креста которого расположены аббревиатуры из греческих букв: «IC», «XC», «NI», «KA». Памятная надпись при этом, также выполнена по-гречески; в тексте упомянут молдавский господарь Стефан II, при котором, к 1440 г., и была «сооружена настоящая крепость» (кастро).

Но в контексте господарского имени, использование резчиком неофициального языка Молдавского княжества (Руссев и др. 2003: 21), а также всякое отсутствие державной символики, может указывать на то, что именно греки (представители местной общины?) выступили в роли исполнителей «благочестивейшей» инициативы господаря в проведении указанных строительных работ.

Содержание текста плиты вызвало разные варианты его интерпретации. Но самые активные научные споры разгорелись вокруг личности Федорко, чья молитва предваряет весь текст. Легендарный белгородский *Θεόδωρος* неоднократно превращался то в «молдавского пыркалаба» (Шлапак 2005: 473—478), то в славянского зодчего и «инженера» крепости (Ключник, 1977: 10; Кочубинский, 1889: 176), то в «мастера, строителя средней стены» (Мурзакевич 1850: 480), и даже в тульчинского грека Теодораки (Cetăi 1998: 157).

В контексте озвученных в данной работе целей, первоочередной задачей представляется не выяснение того, кем был Федорко, а что построил упомянутый в таблице «начальник

№6. 2010

области и комендант той крепости». Другими словами: что именно подразумевается в памятной надписи под словом «кастрон»?

С позиций концепции долгостроя, само расположение плиты на разделительной стене, которая замыкала Военный двор с южной стороны — и определяло его периметр, как указанный в тексте «кастрон». Другими словами, единственный повод соотносить упомянутую «крепость» именно с периметром стен двора дает сам факт локализации плиты на фасаде разделительной стены. Но конструктивные и архитектурные особенности стены, как позднейшей вставки в оборонный комплекс Белгорода (рис. 1), не позволяют этого сделать.

Надпись 1440 г., среди других, уникальна благодаря своему указанию на объем произведенных работ. Если в остальных известных текстах из крепости речь идет об окончании постройки отдельной стены, или конкретных башен, то в греческом тексте с хачкаром говорится о завершении строительных работ не локального, а общего характера (γέγονεν κάστρον: «сооружена крепость»).

Следующая памятная строительная надпись на греческом языке находилась на южном фасаде башни № 26 (рис. 1). В распоряжении исследователей сегодня имеется лишь единственный вариант ее прорисовки, сделанный русскими военными в 1819 г. (Войцеховский 1972: 371—374). Первую публикацию текста осуществил Н. Н. Мурзакевич. Им было указано место первоначального расположения памятника, а также дан вариант перевода. В двухстрочной надписи идет речь об окончании строительства то ли «стен», то ли самой башни (Мурзакевич 1850: 480—483).

Одну из последних, известных в историографии, попыток датировать таблицу предприняла М. Е. Шлапак. Она выдвинула версию двойного датирования текста, согласно которой во второй из четырех его строк приведена дата по исламскому календарю, отражающая один из строительных этапов турецкого времени, а в другой — более ранняя дата, «от сотворения мира». Таким образом, таблица два раза подверглась обработке резчика: в 1452 г. и в 1603 г. Но аргументация автора (Шлапак 2000: 260—265) при трактовке рассматриваемой группы знаков не представляется убедительной.

В течение более чем столетнего периода изучения крепости вывести сколь-нибудь внятную датировку этой таблицы не представлялось возможным таким блестящим эпитаграфистам, как В. В. Латышев, И. Богдан, Н. Н. Мурзакевич, А. А. Кочубинский, по причинам, связанным с состоянием сохранности

лапидарного памятника. Но из всей плеяды ученых, работавших над этой проблемой, максимально точно выразился Шт. С. Горovej, резонно заметив, что указанная надпись содержит такое число, обозначенное тремя славянскими буквами, которое позволяет датировать оригинал весьма широким периодом: начиная с 1392 по 1482 г., т. е. примерно от основания крепости и до сдачи ее туркам (Gorovei 1994: 44).

На восточном (внешнем) фасаде башни № 3 была найдена еще одна памятная плита, датируемая мартом 1454 г. Надпись выполнена на старославянском, с гербовым изображением Молдавского княжества в нижней части таблицы и свидетельствует о том, что: «Свершился сий мур и оружен был от пана Станчула в лето 6962 месяца марта» (Кочубинский 1901: 79—178).

Другая закладная плита — 1476 г. также содержала надпись на старославянском, вместе с гербовым изображением Молдавского княжества. Текст посвящен окончанию строительства «великих врат» (сиречь Килийских: башня № 6) в дни благочестивого Стефана Воеводы и в дни пана Луци и пана Хермана (Кочубинский 1889: 506—541).

Последняя закладная плита — 1479 г., с точки зрения гармоничности «концепции долгостроя» крепости, является наиболее значимой из всех перечисленных. Именно на ее текст ссылаются исследователи, когда утверждают, что «Стефан Великий существенно увеличил внутреннюю площадь унаследованной от предшественников крепости, соорудив стены Гражданского двора» (Шлапак 2001: 108).

Вся важность таблицы определяется своим местоположением, которое ей отводится, поскольку 476 м стен Военного двора и 10 башен «датируются» по другим таблицам относительно сносно, в то время как большая часть крепости, в периметре 633 м стен и 19 башен двора Гражданского, почти лишена всяких датирующих лапидарных памятников.

В 1908 г. румынский эпитаграфист И. Богдан предложил свой вариант перевода текста этой плиты: «В дни благочестивого и христороубивого и богодарованного и всякой хвалы достоин Иоанн Стефан Воевода, господарь всей Земли Молдавской, сын Богдана Воеводы, почя и сверши сей мур при пыркалабы Дума и Хръман». Также И. Богдан представил и свою версию ее датировки — 1479 г. (Bogdan 1908: 338), вместо 1482 г., предложенного А. А. Кочубинским.

Логика И. Богдана в определении даты понятна. Совместное правление пыркалабов Думы и Хермана в Белгороде длилось три года, с 1478 по 1480 г. (включительно).

Однако выбор исследователя не случайно пал именно на 1479 год, а не, скажем, на 1480-й. Возможно, это произошло под впечатлением от сообщений летописей о том, что именно в 1479-м Стефан III Великий отстроил крепость в Килие (СМЛ, 1976: 52). Итак, с легкой руки румынских исследователей (Bogdan 1908; Arbure 1901; Tanoviseanu 1901) в историографию в начале XX в. проникло утверждение, будто Гражданский двор был выстроен к 1479 г. Проникло и уверенно закрепилось там (Шлапак 2001: 62, 169; Очерки 1979: 79).

Но в переводе Богдана речь идет не о стенах, а единственном муре. Выходит, что эпиграфист в старославянском выражении: «сей мур», увидел слова: «эти стены»! И даже если он не ошибся, единственным основанием для сопоставления «этих стен» именно с периметром каменных укреплений Гражданского двора может служить только факт обнаружения плиты, вмурованной в их кладку.

Так где же была найдена памятная плита 1479 г.? В поисках описаний обстоятельств находки лучше всего обратиться к первоисточнику. В первой публикации надписи, сделанной почти за двадцать лет до перевода И. Богдана, в ЗООИД читаем: «В бумагах нашего Общества имеется старый, начала 50-х годов, инвентарь приобретений Музея по местностям, сделанный собственноручно покойным Н. Н. Мурзакевичем, и в нем мы находим, между прочим, следующее: “Мраморная доска с молдавским гербом и (славянской) надписью. Найдена в 1838 г. в Аккермане, принадлежала какой-либо православной церкви. Подарена Н. Е. Афанасьевым” <...>. Доска поступила в Музей общества в 40-х годах» (Кочубинский 1889: 538).

То есть, таблица не была найдена в крепости. находка зафиксирована вне контекста крепостных стен. Автор публикации, давний исследователь Белгорода и опытный эпиграфист А. А. Кочубинский, дал свой вариант перевода, который почти идентичен более позднему варианту И. Богдана. Лишь за исключением года (1482), а также единственной фразы. Там, где у румынского исследователя читается: «и сверши сей мур при пыркалабы...», у первоиздателя выглядит, как: «и сверши сия монас(ты)ри пыркалабы...» (Кочубинский 1889: 548). Потому-то таблица и «принадлежала какой-либо православной церкви».

Прекрасная фотокопия этого утерянного ныне лапидарного памятника многократно опубликована, и поэтому аргументация переводчиков доступна критике. В пояснениях к своему переводу А. А. Кочубинский пишет: «Буква “с” довольно еще ясна, слог “ты” сбит. Окончание “ри”, вместо “рь”, вероятно, под

влиянием румынского языка, где славянское слово приняло форму *monastire*, и женский род. Оттого и определение: “сия”, вместо: “сий”» (Кочубинский 1889: 543). Действительно, романско-славянский билингвизм имел место среди населения Молдавского княжества и особенно массовым стал во времена Стефана Великого (Руссев и др. 2003: 23).

В сравнение приведем старославянскую молдавскую надпись 1454 г. с башни № 3. На фотокопии этой таблицы видно, что перед словом «мур» используется указательное местоимение «*сиа*» («сий»), с характерной буквой «юс малый» (Кочубинский 1901: 79—178), а не «*сиа*» («сия»), как в случае с рассматриваемой плитой 1479 г. Впрочем, исследователь осторожно допускает, что в тексте могла идти речь и о нескольких монастырях, тогда выражение «сия монастыри» (во мн. числе) звучало бы вполне корректно (Кочубинский 1889: 543).

Вариант перевода, предложенный первоиздателем, представляется более правильным и с позиции текстуальной логики. Так, по Кочубинскому следует, что пыркалабы Дума и Хърман начали и завершили строительство некоего монастыря в дни правления благочестивого Стефана Воеводы. Тогда как по Богдану, предлагающему видеть в конце шестой строки слово «мур», а в начале седьмой — местоимение «(п)ри» (поскольку слог «ри» надо, в таком случае, как-то объяснить), следует, что в дни благочестивого Стефана Воеводы, при пыркалабах Дума и Хърман, сам же Стефан Воевода начал и сам же завершил «сей мур». Выходит, что авторитарный господарь не забывает подчеркнуть, что трудился при двух своих назначенцах.

Итак, к настоящему времени непосредственно со строительными работами в Белгородской крепости доосманского периода соотносятся четыре из пяти приписываемых ей памятных строительных плит. Из этих четырех две плиты содержат тексты на старославянском языке и снабжены геральдическими знаками Молдавского княжества. В каждой из них идет речь о возведении отдельной башни. Две более ранние таблицы содержат памятные тексты на греческом языке. В недатируемой сообщается об окончании строительства «стены», но местом ее расположения является башня № 26. На другой плите, 1440 г., сказано об окончании работ масштабного, а не локального характера («сооружена крепость»). Плита 1479 г. не имеет никакого отношения к оборонительным сооружениям Белгорода. Данный эпиграфический материал не дает аргументов в пользу поэтапного, долговременного строительства крепости.

Цитадель: конструктивные особенности

Цитадель считается самым ранним элементом в нынешней системе укреплений Белгородской крепости. Карта из «Codex Latinus Parisinus № 7239» является единственным документальным основанием для ее хронологической привязки (Dumitriu-Snagov 1979), но этой информации оказалось недостаточно для определения точной даты основания данного сооружения и авторства заказчиков.

Поскольку четырехбашенная постройка замкового типа изображена в «Кодексе» без каких-либо крепостных стен вокруг, исследователями был сделан вывод о одновременном сооружении в Белгороде крепости и замка (цитадели) (Бруяко, Сапожников 200: 443—451; Шлапак и др. 2001).

Оборонительные стены Военного двора действительно примыкают к цитадели (к двум северным ее башням) встык (рис. 1). На северо-восточном участке стык куртины имеет характерный скос, который относится к работам по усилению старой стены в турецкое время (характерный тип кладки). Увеличение ее ширины на целый метр привело к необходимости «сглаживания» на участке стыка с башней. С внутренней стороны куртина осталась непотревоженной, и участок того же стыка наглядно демонстрирует, что средневековые каменщики не просто подвели к башне куртину, а предварительно подрубили кладку башни и только затем завели куртину в створ, придав ей большую устойчивость.

Кладка цитадели отличается повсеместными вставками массивных жерновов, каменных козырьков водостоков, фрагментов массивных резных архитектурных деталей. О некоторой поспешности, которая сопровождала каменщикам в их работах на объекте, может свидетельствовать особенность его планировки. В плане цитадель является почти квадратной постройкой: прямые углы между куртинами не соблюдены, в результате чего северная стена оказалась несколько длиннее южной, а западная и восточная не строго параллельны. При том, что разбивка квадрата 30×30 м на ровной местности, даже самым простым «методом диагонали», с помощью веревки и кольшков, не должна была вызвать особых затруднений у профессиональных мастеров. Толщина всех четырех стен также различна и варьируется от 3,5 до 5,5 м.

В то же время, сооружение ориентировано строго по сторонам света, согласно истинным значениям точек севера и юга. На углах этого

«куба» располагаются разновеликие, неправильные в плане (овальные) башни, самая большая из которых — юго-восточная — выстроена с заметной погрешностью.

Обвал большей части северо-западной башни, произошедший немногим позже 1889 г. (Кочубинский 1889: 518), открыл ее основание в разрезе берегового склона. Первый, нижний ряд выложен в траншее крупными, тесаными блоками постелистой кладки. Нет ни ступенчатой отмостки, ни массивного фундамента. При этом сами блоки залегают неравномерно: ряды то поднимаются «волной», то опускаются вниз, повторяя контур дна самой закладной канавы.

Строители выбрали не самую лучшую материковую основу под столь массивный объект, да еще расположенный на береговом склоне. Закладные плиты покоятся на прослойке понтических каштановых песков, ниже которых следует брекчевидная жерства с многочисленными включениями гальки. Еще ниже идет слой мягкого суглинка, затем — сыпучая жерства. И лишь под ним выступает мощная известняковая скала. На эту скалу и следовало бы опереть стены цитадели, углубив траншею еще на 1,5—2 м, дабы уберечь постройку от обрушения.

Судя по высоте нижнего не оштукатуренного пояса кладки на внешней поверхности башни (и примыкающей стены протейхизмы), глубина закладной траншеи составляла всего 1,5 м. И «нежелание» (?) строителей углубить закладную траншею еще на полтора метра может говорить все о той же поспешности в работах.

Внутреннее пространство северо-западной башни разделено на три яруса, которые соединены каменной лестницей по периметру несущих стен. На первом ярусе (самом просторном, с высотой потолка до 4-х м) расположен высокий (до 3 м) арочный вход в башню (полностью замурован). Разница между уровнем дневной поверхности внутреннего двора цитадели и уровнем пола нижнего яруса башни составляет примерно два метра. Это косвенно указывает на наличие лестницы в теле куртины, к которой примыкает башня.

Арочный проход в северо-западную башню выглядит парадным в сравнении с узкими, длинными и низкими коридорами, ведущими в юго-восточную, юго-западную и северо-восточную башни. Такими же узкими и невысокими являются два внешних входа в цитадель (западный и южный). Это говорит об особом статусе, который отводился северо-западной башне, а также о высоком

общественном положении ее обитателей, для комфорта которых был задуман широкий и высокий вход.

Вход замурован под самый свод еще до разрушения башни. Выход во двор, по плану, находился там, где сегодня располагается старый турецкий пороховой погреб (сооруж. № I/1). Судя по памятной строительной надписи, погреб был построен в 1756 г. (Шлапак 2001: 47). Эта дата определяет верхний хронологический рубеж закладки входа. Сам факт закладки, надо полагать, был связан с аварийным состоянием башни, к которому привела просадка ее фундаментов.

Уровень пола второго яруса северо-западной башни маркирован тремя гнездами от квадратных в сечении несущих балок. На этом ярусе, в восточной стене, ближе к северному углу бывшего жилого помещения, обустроена небольшая ниша с арочным сводом. Она сооружена вместе с башней, располагаясь на высоте ок. 1,5 м над уровнем пола. Внешнюю закраину ниши формирует поставленная на торец тщательно подтесанная плита.

Над нишей в кладку стены вмонтирована деталь верхней части наличника дверей в виде прямоугольной плиты архитрава с фрагментом боковой закраины. Плита украшена орнаментом типа «сельджукская цепь». Деталь выполнена из местного известняка и служила наличником парадного входа некоего монументального сооружения, которое предшествовало по времени возведению цитадели. Аналоги таких каменных наличников, декорированных резной «сельджукской цепью», особенно широко представлены по материалам средневековых памятников Крыма (Айбабина 2001).

В одной из своих работ Е. А. Айбабина прямо указывает на то, что рисунок «сельджукской цепи» из Белгородской крепости является «близким по характеру» к обрамлению из храма Иоанна Предтечи в Каффе, который может быть датирован второй половиной XIV — началом XV вв. (Айбабина 2001: 159). Практически идентичной белгородской по технике исполнения является деталь портала с латинской надписью 1406 г. из Каффы о возведении храма «во славу Святых Петра и Павла» (Айбабина 2001: 50—52).

Белгородский наличник в стене башни выступает как деталь вторичного использования. Об этом говорит тот факт, что его внутренняя плоскость основательно подтесана каменщиком в ущерб самому орнаменту (одно из звеньев таким образом уничтожено почти на треть). Это было сделано с тем, чтобы

подогнать его сравнительно покатую линию под заостренный свод небольшой ниши (возможно, алтарь). Внутренний контур плиты архитрава указывает, что она создавалась для более широкого свода. Негабаритный фрагмент резьбы, извлеченный из каких-то руин общественного здания, возможно, связанного с генуэзской колонией Белгорода, дает дополнительную датировку цитадели: конец XIV в.

Другим примечательным культовым памятником цитадели является апсида христианской церкви, встроенная зодчими в восточную куртину со стороны двора. В топографическом смысле апсида ориентирована тыльной своей частью на 88° от точки севера, что показывает высокую точность разбивки «крепостного замка» по сторонам света с отклонением лишь в два градуса от координат истинного географического востока (90°).

Согласно сохранившейся планировке, средневековым зодчим было задумано устройство двух разных входов в цитадели. Первый — в южной куртине, ныне действующий. Второй — в западной (заложенный после сооружения турецкого погреба). Оба входа предназначались для отдельного доступа в цитадель. Южный вход, судя по сравнительно большим габаритам, имел общественное назначение. Тогда как западный — узкий и невысокий, был рассчитан явно на пользование ограниченным количеством людей. Судя по всему, западный вход вел в тот самый «королевский дворец», который еще сохранялся к XVII в. и был упомянут Эвлия Челеби во время посещения Аккермана (Челеби 1961: 36—37).

Над западным входом размещается огромное окно, размером 3×1 м с парадным арочным сводом. Оно было явно рассчитано на освещение некоего обширного помещения на уровне второго этажа, располагавшегося в дворовой пристройке цитадели у западной куртины. Несколько левее от сводов окна в стену вмонтирован герб Молдавского княжества, вырезанный на шести отдельных плитах серого песчаника и скрепленных воедино. Герб расположен на стене ассиметрично по отношению к входному проему и огромному окну над ним.

Все это делает сооружение более уязвимым с точки зрения обороноспособности. Логике оборонной архитектуры также противоречит организация еще одного светового окна, размером 1×1,5 м, — с восточной стороны северо-восточной башни, на высоте до 3 м от уровня современной дневной поверхности. Через него свет попадает в самый нижний ярус этой башни.

№6. 2010

Все четыре башни замка выполняли разные функции. Юго-западная и юго-восточная, как две наиболее крупные, имеют самые мощные стены, узкие, длинные и извилистые коридоры-входы на нижние ярусы, которые легко блокируются защитниками. Тем не менее, боевые характеристики этих башен позволяли вести огонь лишь с их верхних площадок, под непосредственным прикрытием мерлонов.

По периметру несущих стен этих башен, на каждом ярусе, оборудованы лишь узкие световые щелевидные окна, с глубокими, тамбурными воронковидными раструбами. Отсутствие бойниц говорит о том, что башни минимально приспособлены к ведению активной обороны на отведенных им флангах. Эти просторные и одновременно мощные сооружения, в первую очередь, служили укрытием (складским или гарнизонным помещением).

Более скромными размерами отличаются обе северные башни, которые выстроены с расчетом на комфортные условия проживания. Для каждой из них был даже предусмотрен отдельный туалет: из северо-восточной доступ через тамбур второго яруса, из северо-западной — по карнизу северной стены. Туалетные площадки нависают над внешним фасадом северной стены, в северо-восточном углу, располагаясь на консолях. Консоли верхнего туалета (разные в профиле) — вторичного использования. Входные тамбуры туалетов сооружены вместе с северной стеной, и нет признаков для их датирования турецким временем (Шлапак 2001: 87).

Северо-восточная башня снабжена несколькими артиллерийскими бойницами, одна из которых, на уровне второго яруса, прекрасно сохранилась. Она вырезана в квадратной известняковой плите и достигает диаметра 40—50 см. Еще две такие же бойницы (ныне замурованные в наружной части) с длинными тамбурными ходами, были расположены в нижнем ярусе башни. Всех их объединяет общая направленность в сторону лимана. Ни одна другая сохранившаяся башня в крепости подобными бойницами не снабжена.

Самой маломощной среди всех четырех куртин цитадели является северная (всего 3,5 м), обращенная внешним фасадом к лиману. Это единственная стена в замке, которая снабжена бойницами для ведения стрельбы из артиллерийских орудий (нижний ярус) и ручного оружия. Ниши для стрелков расположены по всей ее высоте в шахматном порядке. Оборона этого участка усиливалась за счет верхней площадки стены.

Характерно, что ни одна другая стена цитадели не обладает такими же возможностями для активной обороны. Это означает, что заказчики замка строили его в ожидании нападения прежде всего со стороны лимана (или противоположного берега). При этом, с напольной стороны подходы к замку были надежно защищены, о чем говорит устройство двух отдельных входов, огромного окна в западной куртине, а также наличие трех «глухих» куртин и двух башен, не приспособленных к ведению активной обороны на промежуточных ярусах по всей своей высоте.

По всем признакам т. н. цитадель Белгородской крепости не является объектом оборонного значения, предназначенным для противостояния долговременной осаде. Заказчик заботился о своем комфорте, обеспечив замок двумя отдельными входами (общественным и личным), широкими окнами с «солнечных» сторон, калориферным отоплением (керамические трубы в северной стене) и навесными туалетными кабинками. В европейской фортификационной практике потребность в комфорте получает окончательный перевес над предосторожностями обороны в последние годы XIV в., когда жилище сеньора начинают освещать и с внешней стороны (Шуази 1935: 535).

Итак, комплекс источников позволяет датировать цитадель не позднее первой половины 90-х годов XIV в. Замок приспособлен для проживания небольшого гарнизона и сеньора; на долговременную осаду и даже серьезный штурм сооружение не рассчитано. Замок представлял собой нечто вроде пограничного, наблюдательного и административного сооружения с некоторыми фортификационными функциями. Заказчик настаивал на срочной реализации проекта, предполагая некую потенциальную угрозу со стороны Днестровского лимана (или же левого берега). Причем, уязвимость постройки с напольной стороны говорит об относительной уверенности в своих тылах, обращенных в степь.

Заказчики Белгородской цитадели

Для Белгорода XIV в. известно несколько наиболее влиятельных этнополитических сил: золотоордынцы, болгары, итальянцы и молдаване.

Появление итальянцев в Белгороде историография связывает с 1290-ми гг., болгар — с началом XIV в., молдаван — с последним десятилетием XIV в. Что касается золотоордынцев, то их присутствие здесь ограничивается концом XIII в. — 70-ми годами XIV в.

Данные о городе ранее конца XIII в. туманны. Хотя некое поселение на его месте, возможно, существовало еще до прихода монголов, но сведения на этот счет пока недостаточно убедительны (Руссев 1999: 77, 103).

Золотоордынцев источники упоминают чаще всего в составе населения Белгорода на протяжении первых шести десятилетий XIV в. В городе они представляют государство, подчинившее своей властью все Северо-Западное Причерноморье (Руссев 1999: 68). Но два архитектурных элемента цитадели — апсида христианского храма в восточной куртине и ниша домашнего алтаря на восточной стене северо-западной башни, указывают на то, что заказчики исповедовали христианство, и исключает золотоордынцев из числа основателей.

Болгарское участие в строительстве цитадели не менее гипотетично. Хотя подданные царя Федора Светослава (1300—1322 гг.) и были христианами, город не принадлежал им полностью, а был лишь передан ордынской властью «на откуп» за определенные политические услуги (Руссев 1999: 64, 83). Согласно источникам, царю позволялось держать в Белгороде гарнизон. Трудно сказать, обладали болгары правом возводить столь мощные укрепления в городе, находившемся в составе Золотой Орды, или нет. Во всяком случае, кроме как ордынцев, болгарам в Белгороде бояться было некого. Коль скоро так, то нелогичным выглядит ориентация активной оборонительной линии замка к лиману, тогда как для татарских войск (сухопутных) он оставался уязвим.

Обзор исторических сведений не дает существенных аргументов и в пользу генуэзской версии происхождения цитадели Белгородской крепости. Власть общины республики Св. Георгия не была прочна и сильна в городе на протяжении всего столетия. Во всяком случае, настолько, чтобы создать грандиозную постройку для чиновников рангом явно не ниже консульского. Общественные гражданские и культовые постройки итальянцев тут наверняка были, но о строительстве мощного замка говорить не приходится. Сам архитектурный стиль его башен не выдержан в стиле классической колониальной генуэзской крепостной архитектуры, представленной на примере Таврики (Мыц 2009; Кирилко 2005). Тем более что никаких данных о существовании в городе генуэзской фактории с административным аппаратом многочисленных свидетельств эпохи не содержат (Коновалова, 1989: 19).

Наиболее явными претендентами на роль фундаторов замка остаются молдавские

господари. Молдавское присутствие в Белгороде имело место уже в конце XIV в. И оно не ограничивалось властью ордынцев или каким-либо другим сильным государством, что предоставляло некоторую свободу действий (Руссев 1999: 74, 162).

Господарь Петр Мушат (1375—1391 гг.), при всей активизации крепостного строительства в Молдове, вряд ли мог инициировать строительство и замка в отдаленном и автономном тогда Белгороде. Этот город станет молдавским лишь при его преемнике — Романе I (ок. 1391—1394). Тем более что в истории правления Петра Мушата трудно найти такие сюжеты, которые могли бы подвинуть его к необходимости срочного возведения замка в таком городе, как Белгород, ожидая опасности с противоположной стороны Днестра. То же самое касается и Стефана I (1394—1399 гг.), который был ставленником Ягайло и Витовта и не мог позволить себе вести самостоятельную политику, тем более сооружать оборонительные комплексы на смежных с сюзереном территориях (Очерки 1979).

Совершенно иным выглядит правление Романа. Весь краткий срок его правления отличался предельным напряжением в отношениях с польско-литовской властью и динамичным развитием событий в приграничных землях, требовавшим от господаря оперативных действий по защите государства от возможного вторжения. В 1392 г. этот господарь юридически закрепил успехи территориального становления Молдавии XIV в. «Совершенно ясно, что к началу 90-х гг. XIV в., в правление молдавского господаря Романа (уже) вся территория от Дуная до Днестра <...> до моря была интегрирована в состав Молдавского княжества» (Быря 2003: 182).

Итак, если «Кодекс Латинус Парисинус № 7239» опубликован в 1396 г., то замок уже существовал в 1394—1395 гг., когда он и попал в поле зрения составителей. Значит, на строительство самого сооружения следует отнести еще как минимум один год (1393—1394 гг.).

Развернув военные действия против Польско-Литовского государства, Роман получил реальный повод опасаться и за собственные границы, которые с 1392 г. уже простираются «от планины до моря» (DRH 1975: 3). Учитывая, что весной 1393 г. под влиянием возникшей угрозы Витовт помирился с Ягайло и выступил с военной кампанией против объединенных отрядов Кориатовича и Романа, а осенью того же года господарь был пленен, время сооружения Белгородского замка следует датировать весенне-летним периодом 1393 г.

№6. 2010

Отсюда и те признаки спешки, которые присущи постройке. И тот расчет на «королевские» апартаменты в пределах ее стен, для высокопоставленной особы явно высшего государственного ранга. Боязнь литовского вторжения с противоположного берега Днестра объясняется и единственным предусмотренным направлением активной обороны замка, в совокупности с его крайней уязвимостью со стороны суши. Вполне объяснимо и присутствие молдавского герба над западным входом (вход для «сеньора») в цитадель. Время его водружения, в таком случае, следует датировать созданием самой цитадели. Равным образом объясняется и присутствие в кладке обломков архитектурных деталей из руин некоего, вероятно, гетуэзского общественного здания, возможно, пришедшего в запустение в результате предшествующего кризисного десятилетия.

Наконец, строительство замка в Белгороде господарем Романом I могло быть связано не только с угрозой литовского вторжения на наиболее уязвимом направлении по всему нижнему течению Днестра, но и с его желанием подчеркнуть незабываемый авторитет правителя, а также продемонстрировать закрепление молдавской власти в новоприсоединенных землях.

Крепость: конструктивные особенности

Военный двор. Периметр его стен (включая ширину башен) превышает 470 м, из которых 164 м представляют собой внешнюю линию обороны (северные и восточные куртины). Площадь двора составляет 1,44 га, общее количество башен достигает 10 шт. (рис. 1). В северной части двор примыкает к обрывистому высокому берегу лимана, включив в свою систему цитадель. С востока укрепления двора открыты к напольной стороне. С запада — граничат с площадью т.н. Торгового двора. Южный периметр укрепления Военного двора ограничен разделительной стеной, за которой располагается двор Гражданский. В этой стене, согласно плану, расположены единственные ворота, выполняющие в крепости функцию внутренней коммуникации — Средние, расположенные в надвратной башне № 24.

Вся восточная линия обороны, с башнями № 1, № 2, № 4 и № 5, является единой с точки зрения архитектурной стратиграфии. Разделительная стена (с закладной таблицей 1440 г.) состоит из двух куртин, каждая из которых примыкает встык к башне № 26. Западная и восточная линии обороны двора

также была построена раньше разделительной стены и башни № 24, в систему которой последняя оказалась встроена. На северо-западном участке двора в стратиграфическом отношении также выделяется 11-метровый отрезок внешней стены, принадлежащий сооружению №II/1, которое было возведено раньше западной оборонительной стены.

Башня № 3 встроена в данную линию крепостных стен позже, о чем свидетельствуют характерные стыковочные швы. Об этом же говорит и панорама ее тыльного фасада (рис. 2а, с). Здесь наглядно видно, что башня встроена в широкий пролет, существовавший на этом месте прежде. Пролет замурован лишь частично, отчего его внутренние стенки прослеживаются более чем на половину толщины куртин (до 1,6 м). Они полуциркульные, со следами известковой штукатурки, без следов намеренной деформации (пролом, подтеска).

Данный пролет во внешней оборонительной стене может быть объяснен наличием здесь крепостных ворот («Старые»), заложенных пыркалабом крепости Станчулом весной 1454 г. в преддверии возникшей опасности турецкой осады. Примеры такого рода «усиления», путем закладки (частичной или полной) потерн под угрозой внезапного нападения на крепость, известны в истории средневековой европейской фортификации (Кирилко 2005: 120).

Гражданский двор располагается к югу от Военного и формирует собой нижнюю часть треугольника Белгородской крепости. Это самый большой двор крепости, его опоясывает 633 м оборонительных стен, на которых устроено почти два десятка башен, в совокупном объеме каменной кладки 15173 м³.

Едва ли не самой поздней постройкой Белгородской крепости доосманского периода является надвратная башня № 6 Килийских ворот, 1476 года постройки (рис. 1). Башня является предмостным укреплением, вынесенным за пределы основной линии обороны практически до кромки рва, заняв периметр во всю ширину (рис. 3б). Проезд ворот, расположенный в башне, ориентирован по оси северо-восток — юго-запад, на христианскую церковь.

Напротив Килийских ворот, во рву, почти в половину его ширины, возведен парапет на сводах, имеющих в основании мощные опорные пилоны (рис. 3а). Парадный восточный фасад башни асимметричен. Как и внутренний контур проезда ворот. На плане (рис. 1) расположение противоположных пилонов сводов проезда,

чередующихся с выступами и нишами, демонстрирует смещение от 20 до 40 см по продольной оси.

Юго-восточный угол несущих стен надвратной башни усилен контрфорсом № 5 (рис. 1, 3а). С противоположной стороны входного портала такого контрфорса нет. Сам ров в этом месте делает крутой изгиб, и линия его эскарпа пролегает не параллельно по отношению к главному фасаду надвратной башни. Это означает, что ров уже существовал перед тем, как была основана башня № 6, и его конфигурация существенно повлияла на расположение и планировку последней. Перед здчим стояла задача ориентировать надвратную башню ровно по линии восток-запад, в пространстве между изогнутой кромкой рва и не параллельной эскарпу линией оборонительной стены, соблюдая запланированную

ориентировку на церковь. Выполнить ее можно, если внести коррективы в направление изгиба внутренней кромки самого рва. Поэтому сегодня мы видим, как у юго-восточного угла надвратной башни № 6 изгиб линии эскарпа испытывает резкий излом, не совпадая в направлении с его абрисом на противоположной стороне (рис. 1). Образовавшееся, в результате несовпадения линии эскарпа и восточного фасада башни, пустующее пространство у юго-восточного угла внешней стены, было использовано для возведения массивного контрфорса № 5.

Куртины, примыкающие к башне № 6, были выстроены раньше нее, а вовсе не наоборот, как предполагалось ранее (Шлапак 2001: 46—47). Об этом говорят характерные швы в области их стыка. Кроме того, в южной куртине, протянутой к башне № 7,

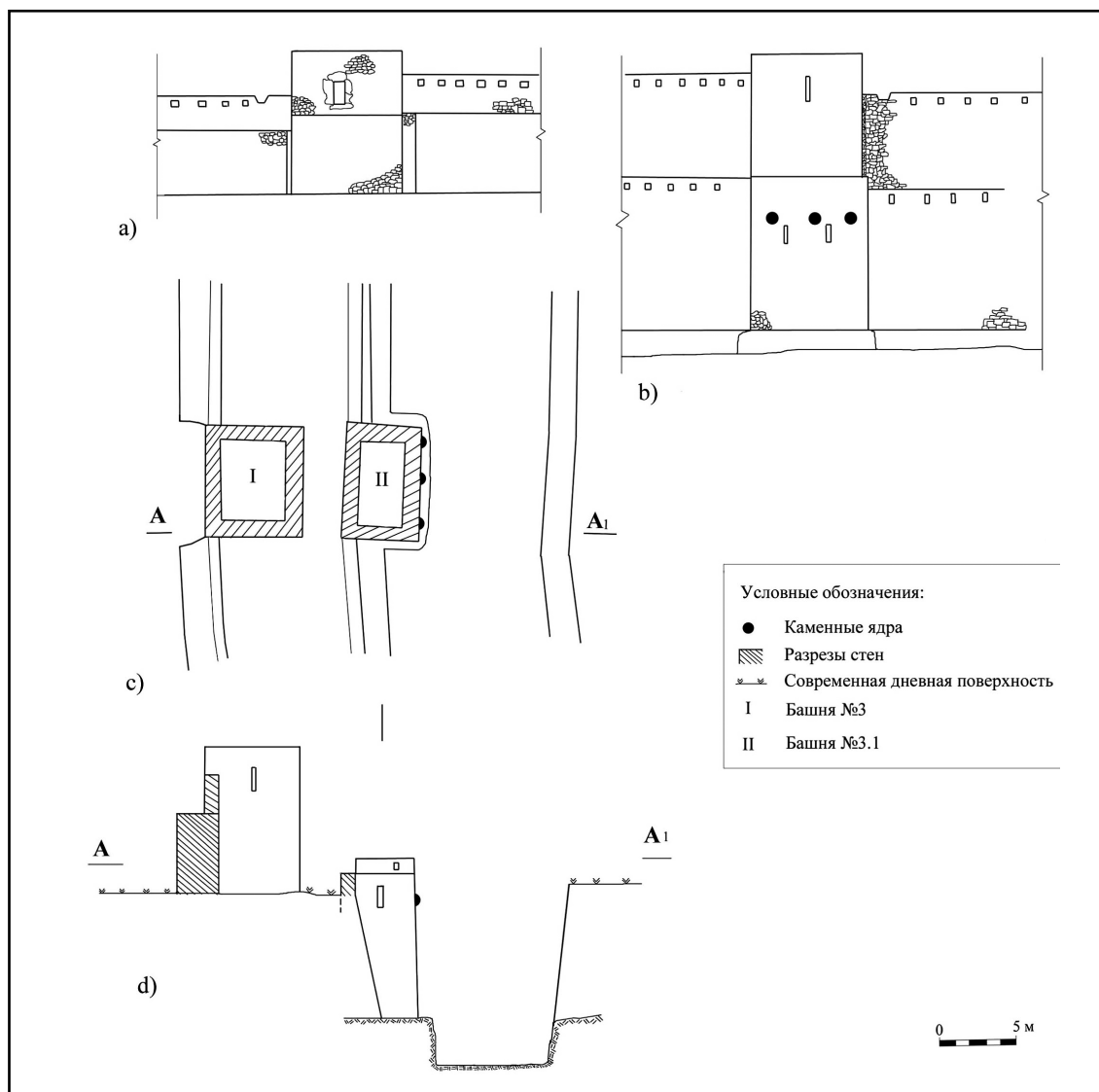

Рис. 2. Комплекс башен №3 и №3.1: а) западный фасад (тыльная сторона); б) восточный фасад (лицевая сторона); в) план оборонительного комплекса на участке стен с башней №3; д) профиль.

№6. 2010

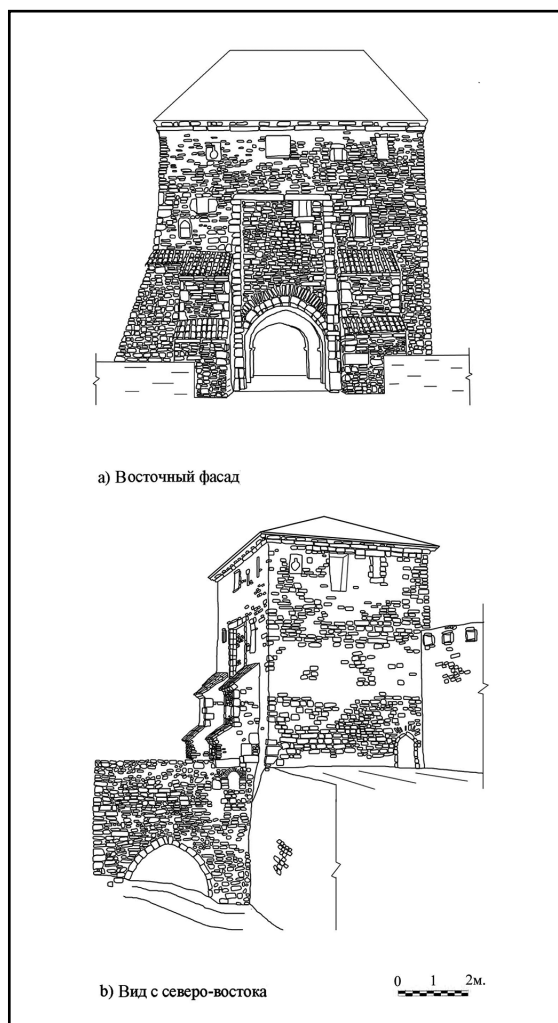

Рис. 3. Башня №6 (Килийские ворота).

на участке стыка с несущей стеной надвратной башни № 6, наблюдается часть разрушенной потерны № 5 с арочным сводом. Она обеспечивала доступ на перибол из Гражданского двора и была разрушена на 70% при строительстве башни № 6.

В целом, оборонительные стены Гражданского двора сохраняют свое стратиграфическое единство в восточном и южном секторах. Западная оборонительная линия двора также представляется однородной с позиций архитектурной стратиграфии, вместе с башнями № 21, № 22 и № 23. При этом последняя из них выстроена раньше башни № 24. Башни № 20 и № 11 выстроены раньше примыкающих к ней куртин. Башни № 19, № 17 и № 6 выстроены позже примыкающих к ним куртин. Остальные многоугольные «полубашни» находятся в единой системе примыкающих куртин, опоясавшей Гражданский двор с южной и восточной стороны (рис. 1).

Крепостной ров опоясывает Белгородскую крепость с напольной стороны и протянут

на 647 м (от башни № 2 до башни № 27). Его ширина по верхней кромке составляет 13—15 м, глубина (первоначальная): от 11 — до 15 м, в зависимости от рельефа местности. Общий объем извлеченного грунта составляет 111,793 м³ (из которых — 19 тыс. м³ приходится на пласт известняка: объем, которого хватило бы на возведение почти двух белгородских цитаделей). Форма рва в сечении — трапециевидная. В древности был заполнен водой на глубину до 1,5 м, и соединялся с лиманом. Во рву находятся две, прилегающие к эскарпу в приустьевых зонах, прямоугольные в плане башни: № 19.1, № 3.1 (рис. 1), и остатки некой массивной постройки в центральном секторе, напротив башни № 13.1 (рис. 4).

Под несколькими башнями и барбаканами во рву специально оставлены основания в виде материковой скалы, что свидетельствует о существовании заблаговременного плана крепости уже на стадии работ по сооружению рва. К таким постройкам относятся: башня № 3.1, барбаканы башен № 8 и № 11, а также башни № 15 и № 18, под которые оставлены цокольные выступы под основания контрфорсов (рис. 1).

Башня № 3.1 располагается под башней № 3. Если принять, что на месте последней до 1454 г. могли находиться внешние крепостные ворота («Старые»), основная функция башни «во рву» № 3.1 должна была состоять в том, чтобы служить опорной платформой для основания аппарели подъемного (или перекидного) моста. Такую функцию сегодня выполняет аналогичная пристройка во рву под Килийскими воротами (рис. 3b).

Башня № 13.1 выстроена в ходе реставрационных работ. Напротив нее, практически по центру рва, расположены остатки толстой (2,6 м) стены, сохранившейся на высоту около трех метров от современной дневной поверхности дна рва (рис. 4). Еще около двух метров кладки сокрыто под насыпным грунтом рва. Протяженность стены достигает 13 м. Она разделена на две части, одна из которых (западная) находится в непо потревоженном виде, тогда как вторая испытывает большой уклон вовнутрь и некоторое смещение вокруг своей оси. Это свидетельствует о попытке намеренного разрушения в древности кладки с помощью подрывных работ. При этом западная часть стены несет на себе фрагмент углового переплета с боковым фасом, который некогда примыкал к эскарпу (рис. 4b).

Следовательно, во рву, напротив башни № 13, располагалось некое сооружение, прямоугольное в плане и полое внутри. Оно примыкало к кладке эскарпа и, надо полагать,

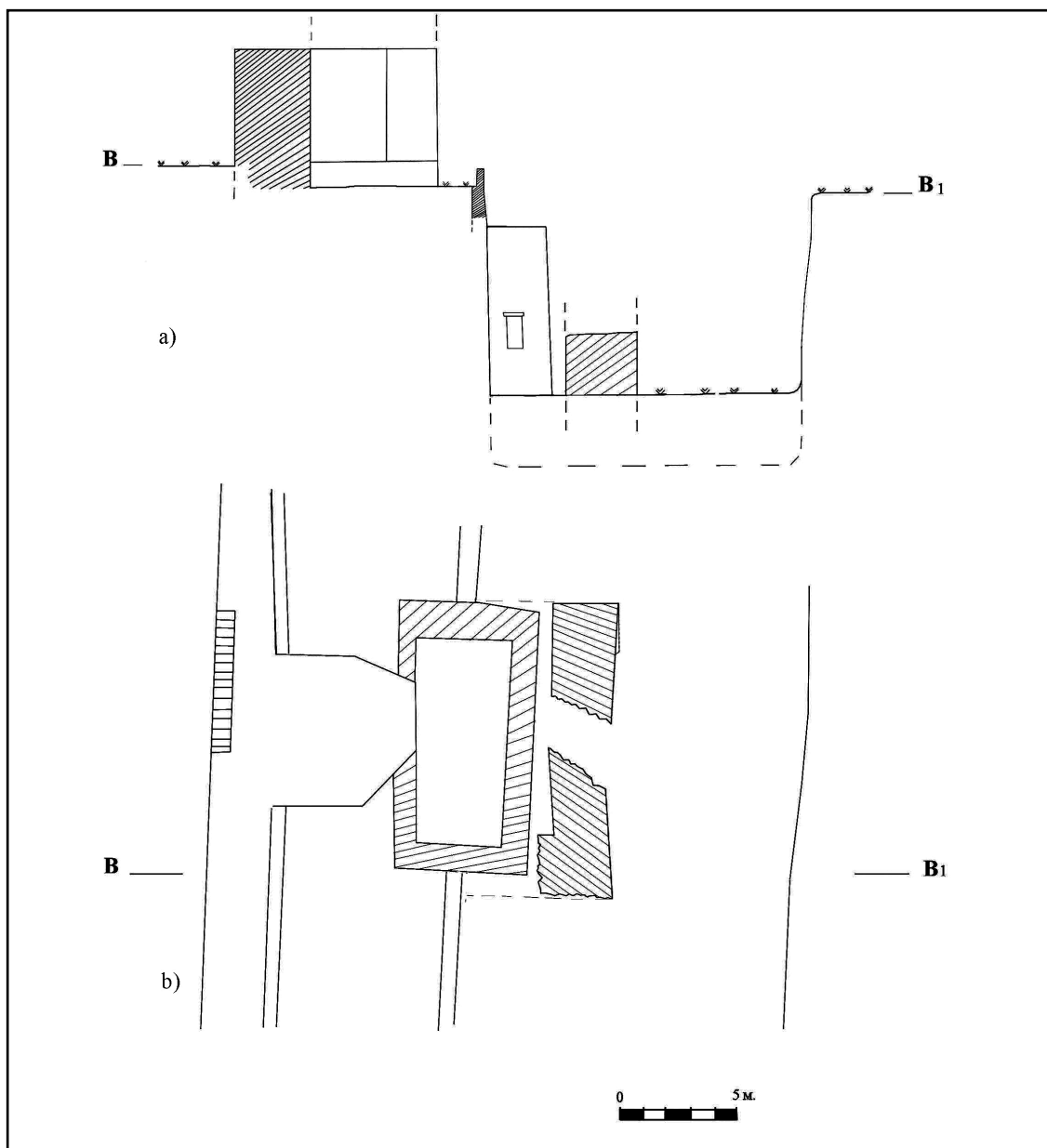

Рис. 4. Комплекс башен №13 и №13.1: а) план; б) профиль.

возвышалось до самой кромки рва. В определенный момент сооружение было частично разрушено.

Столь массивные несущие стены, вынесенные от кромки эскарпа почти на половину ширины рва, позволяют видеть в них вовсе не остатки очередной фланкирующей башни (типа № 3.1 или № 19.1, которые выстроены в более скромных масштабах и в стратегически обусловленных местах), а несущей опоры для платформы подъемного моста еще одних крепостных ворот («Южных»)¹. Наличие здесь этих ворот

объясняет проблему обеспечения доступа в крепость через ров задолго до создания т. н. Килийских, в 1476 г.

Примечательно, что в структуре куртин внешней южной линии обороны крепости, расположенных напротив данной постройки во рву, нет никаких следов присутствия надвратной башни или замурованного пролета ворот. Сегодня на этом месте находится полубашня № 13, которая не приспособлена для

¹ К такой интерпретации подталкивает и анализ «Плана-проспекта крепости Килия 1770 г.» (Шлапак

2009: 421—429), повторявшего в основе своей план Белгородской крепости. В Килие главные крепостные ворота находились именно там, где на плане зафиксированы остатки подобного сооружения во рву Белгородской крепости.

№6. 2010

выполнения функций надвратной постройки. Следовательно, налицо различные строительные периоды на данном участке линии обороны: Южные ворота были выстроены раньше башни № 13 и примыкающих куртин южной и восточной линии обороны Гражданского двора, и упразднены вследствие их возведения. В свою очередь, данные куртины выстроены раньше Килийских ворот. Значит в ближайшие годы, предшествующие 1476 г., вся южная и юго-восточная часть крепости была модернизирована в пределах сформировавшейся ранее линии обороны (где башни № 11, № 20 и, вероятно, № 17, остаются самыми старыми). А именно: были возведены каменные куртины с промежуточными полубашнями (рис. 1).

Наши представления о датировках рва существенно дополняет комплекс башен № 3 и № 3.1, в северо-восточном секторе крепости. Башня № 3.1 «во рву» — прямоугольная в плане, с аккуратной квадратной кладкой, аналогичной той, что использована при возведении «восьмиугольников» Военного двора (рис. 1). Поскольку ее основание покоится на известняковом скальном материковом останце, который был специально оставлен и обтесан строителями при сооружении рва в придонной его части, то ров и башня № 3.1 — постройки единовременные.

И поскольку ориентировка башен № 3.1 и № 3 не совпадают, а также существенно отличаются по типам кладок — эти сооружения разновременные. Судя по закладной таблице 1454 г., башня № 3 вторична по отношению к примыкающим к ней куртинам (а значит, и более поздняя по отношению к башне № 3.1). Следовательно, время постройки башни № 3.1, а также крепостного рва, не может быть датировано позднее, чем 1454 годом.

И коль скоро башня № 3, как главный датирующий элемент, является вторичной по отношению к системе каменных укреплений Военного двора (вмурована в пролет Старых ворот?), а башни № 3.1 и № 1, 2, 4 — наоборот, синхронны ей, то дата 1440 г., как время окончания «кастроны», распространяется и на них, равно как и на крепостной ров.

Итак, оборонительный ров Белгорода является единовременным сооружением. Его строительство предшествовало возведению внешних оборонительных стен крепости, и он может быть датирован самым ранним периодом возведения крепости. В свою очередь, это означает, что и крепость была спланирована, а также разбита на местности сразу, в пределах всей своей площади, вопреки общепринятой

версии ее долгосрочного и поэтапного развития.

Этот вывод не противоречит и классическим трактатам по архитектуре, в которых сказано, что сперва следует вырыть ров, и лишь затем возводить над ним крепостные стены (Витрувий: I, V.1). Античным архитекторам вторят и фортификаторы современности: «Постройка долговременных укреплений начинается всегда с отрывки рвов <...> Раньше всего разбивается на местности линия кордона эскарпа, которую и принимают за магистральную линию всего фронта крепости» (Цабель 1902).

Действительно, ров Белгорода — уникальный гидротехнический объект с вертикальной 15-метровой бровкой, инженерные характеристики которого не позволяют соорудить его после возведения самой крепости, в непосредственной близости от ее стен и башен, без создания угрозы их обрушения.

Топография расположения обоих устьев рва свидетельствует о том, что зодчий, прежде чем приступить к созданию общего плана крепости, ознакомился с геологической обстановкой на местности и сначала распланировал контуры рва по всей его линии и лишь затем включил в него периметр будущих стен. И если сама крепость расположилась на куполе известнякового поднятия (единственного на всем правом берегу Днестровского лимана (Анисимов 2001: 10)), то ров заложили в его боковых складках (рис. 5), испытывающих понижения. Тем самым средневековый зодчий получил надежное основание для фундамента каменной одежды эскарпа и контрэскарпа рва в придонной его части.

Расположив ров в зоне погружения пласта понтических известняков (мощностью от 2,5 до 4,5 м) по отношению к уровню водоносного горизонта, который формируется подстилающим известняки десятиметровым водоупорным слоем зеленовато-серых глин, зодчий добился, что дренаж грунтовых вод не нарушает целостности бортов сооружения. Воды просачиваются гораздо ниже крепостной кладки эскарпа и контрэскарпа. Эти же глины создавали упор для воды, заполнявшей ров.

По запискам турецкого путешественника можно оценить и то значение рва, которое он представлял в деле успешной обороны крепости войсками султана Баязида II в 1484 г., Эвлия Челеби говорит, что хотя стены на трех участках и были пробиты артиллерией, турки не могли подобраться к проломам и вынудить защитников к сдаче, пока стоял открытым

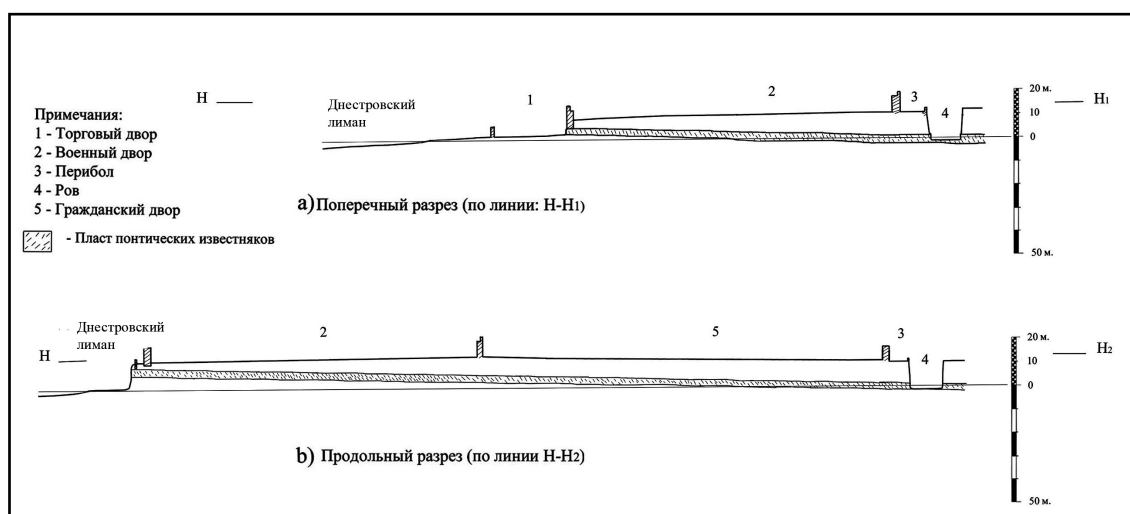

Рис. 5. Разрезы оборонного комплекса Белгородской крепости (по обмерному плану) .

ров (Челеби 1961: 34). Иными словами, падение стен не означало падения самой крепости до тех пор, пока ров существовал. Следовательно, ров на этой ровной, как стол, местности следовало заложить первым и лишь затем приступить к долговременным строительным работам, делавшим объект уязвимым до их окончания. Только лишь наличие столь глубокого рва давало защитникам возможность удерживать оборону даже при частичном отсутствии стен, как, например, в периоды их строительства.

Разбивка крепости на местности

Единовременное основание крепости означает и ее разбивку на местности, по заранее созданному плану. Зодчий, который взялся за его создание, столкнулся с задачей вписать в план укреплений уже стоявшие на нынешнем Аккерманском мысу четырехбашенный замок и одноапсидную церковь.

Церковь Гражданского двора (сооруж. №III/7) заняла самую высокую точку нынешнего Аккерманского мыса (+14 м над уровнем моря). Фундаменты храма и сегодня позволяют определить, что постройка находилась точно на юге от «общественного» (южного) входа в Цитадель (для наблюдателя, который стоит во дворе цитадели — северо-западный угол церкви находится ровно в створе прохода). Угловое значение заданного направления составляет 180° от точки юга, что соответствует ее истинному значению. Расстояние от внешнего края северной стены цитадели до церкви составляет ровно 150 м (рис. 6).

Взаимозависимое расположение двух построек друг относительно друга согласно

географическим координатам истинных сторон света, позволяло зодчему использовать их в качестве надежных геодезических ориентиров при выносе на местности узловых точек будущей крепости. Если на северной стене цитадели определилась базовая реперная точка, откуда перед зодчим открывался максимальный обзор планируемой к застройке местности, то церковь превращалась в прекрасный ориентир (промежуточная точка выноса), расположенный точно на юге от выбранной реперной точки (рис. 1).

Надо заметить, что расположение храма по указанному направлению (180° от точки юга), точно совпадает с линией полуденной тени, отбрасываемой Солнцем на протяжении всего года от шеста (гномона), установленного возле постройки. Сегодня эта тень определяет центральный базис разбивки, который пролегает по касательной через северо-западный угол храма. В этой точке находится идеальное место для установки такого шеста.

Полуденная тень могла служить надежным топографическим базисом, заменявшим зодчему оптический прибор при разбивке такого большого объекта малыми отрезками. Прямая тень в первую очередь сводила к минимуму погрешность при выносе углов. Она позволяла каждый раз при разворачивании новой очереди строительства, на протяжении многих лет, независимо от сезона, проверять точность выноса новых точек. При этом наиболее подходящими для разбивки являются полуденные тени ранней весны, т.к. они сравнительно длинные (ввиду положения Солнца над горизонтом). Этот факт, а также начало теплого календарного сезона, благоприятного для строительства, объясняют столь «популярную» ориентировку в средневековом

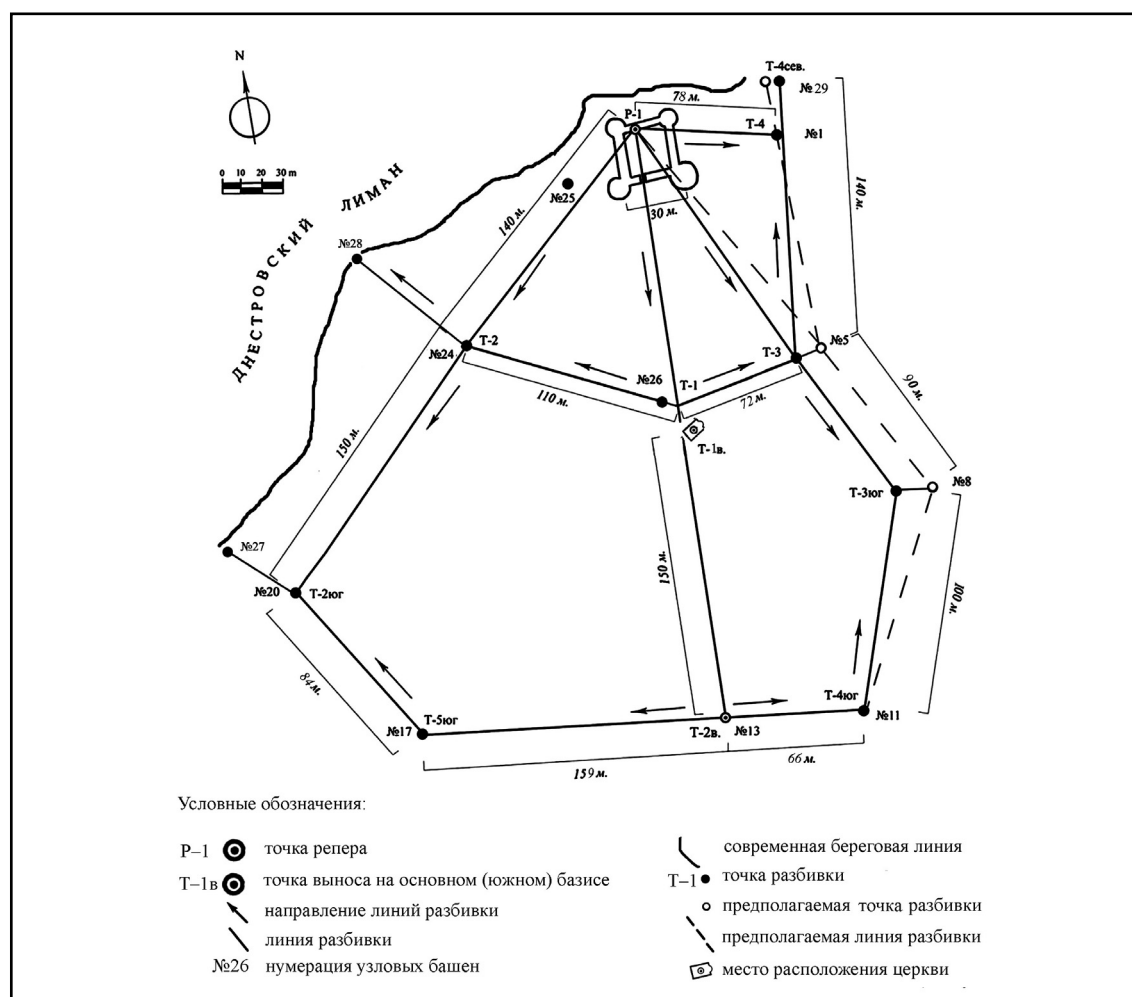

Рис. 6. Схема пространственной разбивки Белгородской крепости.

храмовом зодчестве именно на «весенний восток» (Раппопорт 1974: 43—45).

Витрувий (трактат которого был необычайно востребован средневековьем) рекомендует именно по полуденной тени начинать разбивку города. Добиться ее можно с помощью гномона, который устанавливается в предполагаемом центре будущего города. Этот метод не должен восприниматься как «первобытный», «магический» или же «примитивный». До изобретения точных оптических приборов, вплоть до эпохи позднего средневековья, гномоника играла основополагающую роль в архитектуре, особенно в том ее разделе, который посвящен самым первым этапам строительства. Установив гномон, зодчий должен внимательно следить за появлением рассветной, а затем и полуденной тени. Их направления дадут ему узловые точки в дальнейшей разбивке квартальной сетки (с использованием геометрических методов) (Витрувий, I.VI.6). Именно в центре основанной крепости оказался старый храм — сакральный и геодезический ориентир будущей системы укреплений.

Этапы разбивки. К сожалению, единственный из планов Белгородской крепости, созданных в научных целях (НИИ «Укрпроектреставрация», 1955 г.) во многом далек от точной передачи конструктивных и топографических особенностей объекта, необходимых для реализации поставленных в данной работе задач. Поэтому предложенная схема разбивки (рис. 6) основана на подготовленном нами (Красножон, Картелян 2009: 62—77)² топографическом плане крепости (рис. 1), и этот процесс можно разделить на этапы:

1 этап. Рекогносцировка местности. Реперной точкой разбивки зодчий Белгородской крепости выбрал пересечение указанного направления на церковь (точнее, на северо-западный ее угол) и несущей северной стены цитадели (перпендикуляр 90°),

² Совместно с геодезистом Морской геолого-геофизической экспедиции при Причерноморском Государственном региональном геологическом предприятии (г. Одесса) Е. Д. Картеляном.

строго напротив ее южного входа. Такая позиция открывала перед архитектором панораму местности, а также позволяла гармонично вписать цитадель в общую систему будущих укреплений.

2 этап. «Выработав представление» (Витрувий: X.4) о том, какой должна быть крепость (масштаб, число узловых башен и промежуточных, расположение устьев рва и т.д.), зодчий приступил к выносу основного, центрального (или южного) базиса. Сперва от точки репера (Р-1) было определено расстояние до первой точки выноса Т-1в (церковь). Оно составило 150 м. Точно через северо-западный угол здания церкви (рис. 6) этот базис был продлен на юг от Т-1в. еще на 150 м, где вынесена крайняя южная точка основного базиса: Т-2в. Здесь были задуманы главные крепостные ворота — т.н. Южные. Таким образом, протяженность основного, южного базиса крепости составила 300 м.

3 этап. Разбивка точек Военного двора. Предполагая организацию двух основных крепостных дворов с т.н. «разделительной» стеной, зодчий выносит от Т-1в. на 10 м к северу точку Т-1 (изгиб стены). Разделение этих точек позволило разделить и сами объекты: церковь и будущую стену. При этом запланированную в узловом месте башню (№ 26) зодчий смещает на несколько метров к западу от изгиба, в сторону от церкви, видимо, чтобы не прикрывать ее. Башня № 26 стала первой из запланированных узловых укреплений. На общем плане она расположена почти в центре крепости, с некоторым смещением к юго-востоку. Это самая высокая башня крепости, ввиду того, что занимает преобладающее топографическое положение. Возможно, на нее были возложены дозорные функции. На ней же была установлена памятная плита с греческим текстом (к сожалению, недатируемая): «Постройка стены с божьей помощью окончена. Да снизойдет благословение твое, Иисусе Христе, на строителя» (Мурзакевич 1850: 481).

4 этап. От точки Р-1 зодчий выносит юго-западный базис к Т-2 на 140 м. Эта мера длины принимается за основную при разбивке точек Военного двора. В Т-2 основана надвратная башня № 24. Абрис будущей т.н. «разделительной» стены от Т-1 к Т-2 составляет 110 м. Рядом с башней, на южном фасаде куртины этой стены, будет водружена вторая мраморная плита с греческим текстом, в которой пойдет речь об окончании строительства уже всей крепости («κάστρον») в 1440 г. (Кочубинский 1889: 506—547).

5 этап. От Р-1 выносится следующий, юго-восточный базис на расстояние 140 м до точки Т-3 (башня № 5). Абрис от Т-1 до Т-3 равен 72 м.

6 этап. От Р-1 выносится Т-4 на расстояние 78 м к востоку (башня № 1). Линия соответствует общему абрису береговой черты, точка заложена почти на самом краю обрыва, в устье будущего рва.

7 этап. Завершающим этапом разбивки Военного двора является вынос от точки Т-3 в северо-восточном направлении (через Т-4) на 140 м точки Т-4 сев. (башня № 29). Вынос этого сооружения за пределы внешней оборонительной линии, а также береговой черты с ее скальным основанием под фундамент, соответствовал общему плану разбивки, т.к. башня № 29 была призвана выполнять не только оборонительные функции (Красножон, Картелян 2008: 43—62).

8 этап. Разбивка точек Гражданского двора. В распоряжении зодчего уже имеется крайняя южная точка Т-2в. на расстоянии 150 м от Т-1в., на основном базисе. Поэтому он приступает к выносу точек Гражданского двора по двум другим, крайним базисам. Данное расстояние берется за основу при выносе Т-2 юг (башня № 20) от точки Т-2, в продолжение юго-западного базиса.

9 этап. Далее, на противоположной стороне площадки, от точки Т-3 выносится точка Т-3 юг, как продолжение юго-восточного базиса. При этом точка выносится лишь на 90 м (башня № 8).

10 этап. От точки Т-2в. прокладывается на запад, почти под прямым углом (85°) линия длиной 159 м к точке Т-5 юг (башня № 17). После чего эту точку остается лишь соединить отрезком с Т-2 юг. Длина почти совпадает с длиной смежного отрезка, на противоположной части двора (Т-3 — Т-3 юг) и составляет 90 м. Эти отрезки параллельны между собой. Выносом Т-5 юг зодчий добился излома оборонительной линии у западного устья рва.

11 этап. В противоположном, восточном направлении от Т-2 в., выносится точка Т-4 юг, на расстояние 66 м. Оставалось соединить Т-4 юг с Т-3 юг отрезком длиной 100 м (эта длина почти совпадает с отрезком Т-1 — Т-2, а также с расстоянием от южного входа в цитадель до Т-1).

12 этап. После общей разбивки крепости и выноса узловых башен происходит вынос промежуточных башен на отрезках между ними. Наиболее высокая их концентрация наблюдается на северо-восточном участке Военного двора (северное устье рва): между

№6. 2010

двумя узловыми (№ 1 и № 5) расположено три промежуточных. Далее, на восточном отрезке наблюдается по две башни между двумя основными. На южном участке — по одной между двумя узловыми. На юго-западном участке (западное устье рва) — снова две промежуточных между двумя узловыми башнями. Зато на всем участке от Т-2 до Т-2 юг наблюдается только две башни (№ 21, № 23) и Водяные ворота (№ 22), каждая из которых расположена на 30-метровом удалении от соседней (лишь между башней № 21 и воротами наблюдается пролет). Наконец, по одной башне между двумя узловыми наблюдается на участке от Р-1 до Т-2 (башня № 25) и на участке от Т-2 до Т-3 (башня № 26). Таким образом, степень плотности расположения башен на указанных отрезках прямо пропорциональна ожидаемой плотности наступления неприятеля в данных направлениях.

В геометрическом отношении Военный двор сложен тремя треугольниками. Два из них обращены вершиной к северу (Р-1 — Т-2 — Т-1; и Р-1 — Т-3 — Т-1), один — к югу (Т-3 — Р-1 — Т-4). Гражданский двор сложен двумя пятиугольными многогранниками: большим (Т-2 — Т-1 — Т-2в. — Т-5 юг — Т-2 юг) и малым (Т-1 — Т-3 — Т-3 юг — Т-4 юг — Т-2в.).

На фоне единой системы координатных построений Военного и Гражданского дворов несколько выделяется т. н. Торговый, четвертый, двор Белгородской крепости. Его осевая структура направлена в широтном направлении, в то время как первые два двора сориентированы вдоль продольных осевых направлений.

На примере истории европейского средневекового градостроительства видно, что нарушение координатной системы построений ведет к разделению градостроительных образований на различные однокоординатные архитектурные фрагменты и свидетельствует об их разновременности (Фондорко 2001: 104—108). Применительно к стенам Торгового двора это означает, что они были разбиты отдельным приемом, но в строгой привязке к общей системе разбивки крепости, согласно заранее подготовленному плану. Об этом свидетельствует принцип равных расстояний, который был соблюден при выносе двух узловых элементов двора — башни № 27, находившейся у западного устья рва, и башни № 28, занимавшей центральное место в системе стен Торгового двора. Продольное направление куртин, протянутых между ними, определялось, в данном случае, изгибом самой береговой черты.

Итак, на плане разбивки видно, что башня № 27 продолжает направление выноса юго-западного участка стен Гражданского двора (рис. 6). При этом куртина, в месте соединения с башней № 20, пристроена встык. Равным образом и башня № 28 вынесена по линии, указанной абрисом разделительной стены, как бы продолжая ее в широтном (западном) направлении.

Каждая из этих башен находится на расстоянии от 325 до 315 м от башни № 11 (по прямой). Медиана между башней № 11 и № 28 проложена строго через башню № 23. В свою очередь, от башни № 11 прослеживается расстояние 305 м по прямой и до башни № 29, крайней в северо-восточном углу крепости, и 315 м до точки Р-1 на северной стене Цитадели (рис. 5). Это свидетельствует в пользу строгой координатной зависимости всех рассмотренных точек выноса и одновременности их разбивки в пределах сравнительно короткого хронологического отрезка.

Анализ плана Белгородской крепости позволяет вычислить ее модуль как величину, принятую средневековым архитектором за исходную. Так, все башни по периметру оборонительных стен находятся на равном расстоянии друг от друга, которое в среднем соответствует 30 м. Половине этой величины равна ширина рва и его глубина. Основой этих построений зодчему Белгородской крепости, несомненно, послужили размеры старого четырехбашенного замка, как реперной постройки, где расстояния между внешними краями стен равно половине высоте каждой башни.

В системе византийских мер длины модульной величине крепости соответствует плефр, который был заимствован средневековым из античной традиции. Его длина варьируется от 29,81 м до 35,77 м. Так называемый «греческий плефр» составлял 30,65 м. У Страбона плефр равнялся 1/5 стадии (32,8 м) (Страбон: VII, III, прим. 68).

Следовательно, 5 плефров составляли 1 стадию (~150 м) — расстояние от Р-1 до Р-1в. (от цитадели до церкви). По основному (южному) базису крепость разбита ровно на два стадия, или на десять плефров (т. е. 10 модулей).

Ошибки в разбивке. Из всех инструментов для воплощения «идеи соразмерности» (Эко 2004), у средневекового зодчего была всего лишь веревка, кольшкы да полуденная тень. Выше уже говорилось, что прямая полуденная тень служила надежным геодезическим базисом при разбивке, и могла помочь свести к минимуму погрешность при выносе

углов. Тем не менее, грубые ошибки при разбивке крепости допущены были.

Речь идет о всей восточной линии обороны крепости, от Т-4 до Т-4а (рис. 6). Линия напоминает зигзаг с почти равными отрезками изломов. Зигзаг намеренно устроен с восточной, напольной стороны фортификационного сооружения, поскольку отсюда ожидалось наиболее интенсивное наступление неприятеля. Эта ломаная линия обороны была задумана изначально, будучи привязанной к центральной медиане плана разбивки. Но при взгляде на этот план сразу бросается в глаза несоразмерность смежных линий Р-1 — Т-4, Т-1 — Т-3, и Т-2в. — Т-4а, из-за чего возникает асимметрия трапеции Военного двора.

Линии Р-1 — Т-4 и Т-1 — Т-3 формируют стороны трапеции, с основанием на центральном базисе (фигура сформирована двумя треугольниками, перевернутыми друг по отношению к другу вершинами). При этом каждая из линий является одной из сторон этих треугольников. И если длина указанной стороны в треугольнике Р-1 — Т-4 — Т-3 равна 78 м, что составляет чуть больше половины от принятого расстояния 140 м, то второй треугольник Р-1 — Т-1 — Т-3 имеет в смежной стороне (Т-1 — Т-3) лишь 72 м. Таким образом, вершина усеченной трапеции, образованная этими двумя фигурами, имеет явно ошибочную точку выноса (Т-3). Для соблюдения симметрии и пропорций в трапеции следовало бы вынести точку на 6 м восточнее.

Другими словами, соответствующая этой точке башня № 5 должна была бы находиться примерно в трех метрах от кромки рва, (подобно башням № 2, № 4 и др.), а не в 9-ти метрах, как это имеет место³. В таком случае, трапеция приобрела бы идеальный вид. Линия Т-3 — Т4 (усеченная вершина) легла бы параллельно основанию фигуры, как и подобает с точки зрения «эстетики пропорциональности» (Эко 2004).

Тем не менее, этого не произошло, и погрешность отразилась на всем участке разбивки, привязанном к юго-восточному базису. Например, точка Т-8, вынесенная от Т-3, должна была бы находиться на 15 м восточнее от своего реального положения. При этом на точки Т-4 и Т-4а данная погрешность

³ Ширина периболы между внешним краем башни № 5 и кромкой рва — самая большая на всей его протяженности. Стандартная ширина внешней оборонительной площадки варьируется в пределах 3—4 м; исключениями являются участки в районе башен № 9, 10, 17 (от 0,5 до 1 м).

не влияет, они вынесены верно (поскольку первая отбивалась от Р-1, а вторая — от Т-2в.).

Если бы Т-3 изначально была вынесена правильно, то линия Т-3 — Т-3а получила бы недостающие 6 м для полного соответствия по длине со смежным отрезком Военного двора (Р-1 — Т-4).

Трудно сказать, почему точка Т-3 (башня № 5) была вынесена на местности с такой погрешностью. Разумеется, в прикладной геометрии известны способы выноса разметки на большие расстояния через непреодолимые препятствия при помощи все тех же веревок и кольшкков. Они известны едва ли не со времен Пифагора (Раппопорт 1994: 107, 134), но их применение на практике могло вызвать определенные трудности. Поскольку изменить симметрии на стройплощадке гораздо легче, чем на чертеже.

Расчеты трудозатрат на строительство⁴

Общий объем оборонительного рва составляет 106,750 м³. Трудозатраты на сооружение объекта подобного рода, с учетом откатки грунта и облицовки бортов, глубин залегания и типов пород, составили порядка 503,489 чел./часов. То есть, один человек был бы занят на строительстве Белгородского рва около 280,9 лет, принимая во внимание такие параметры, как восьмичасовой рабочий день и сезонность работ. Примем за исходное наиболее адекватное число рабочих, которое могло быть задействовано на строительстве объекта такого масштаба, как ров Белгородской крепости, в количестве 500 человек. В этом случае время сооружения рва сокращается до 125 дней, или 0,56 рабочего периода⁵.

Результаты подсчетов (здесь и ниже) приведены по следующей формуле:

$$C \div T1 = C2 \div T2 = F \div H = D \times T2 = T3$$

$$503489 \div 8 = 629000 \div 224 = 280 \div 500 = 0,56 \times 224 = 125,44$$

⁴ Автор выражает глубокую признательность ведущему геологу Морской геолого-геофизической экспедиции при Причерноморском Государственном региональном геологическом предприятию (г. Одесса), начальнику проектно-сметной группы, Л. А. Петренко, за помощь в подготовке данного раздела.

⁵ Рабочим периодом назван период времени, затраченный на активную строительную деятельность, с 1 марта по 14 октября, за вычетом одного выходного в каждой неделе и трех основных праздников: Пасха, Троица, Покров. В данном случае за «рабочий период» принято 224 дня.

№6. 2010

Где: С — чел./часы; T1 — продолжительность рабочего дня (в часах); С2 — кол-во чел./дней; T2 — продолжительность рабочего периода; F — количество рабочих периодов, необходимых одному человеку на выполнение работы; Н — количество рабочих, задействованных в строительстве; D — доле-вая часть⁶; T2 — количество дней в рабочем периоде; T3 — количество рабочих дней, требуемых на сооружение объекта.

В периметре абриса эскарпа оборонного рва были возведены «второй очередью» стены и башни Военного, Гражданского и Торгового дворов, протейхизма. Общая кубатура кладки наземных каменных сооружений крепости (в пределах всех строительных этапов до 1484 г., но без учета цитадели) составляет 43395,15 м³. Следовательно, на возведение крепости таких объемов требуется 240,583 чел./часов, которые при расчете на 500 каменщиков (наиболее адекватное число строителей для данного объекта) составят, при указанных выше календарных параметрах, 134,2 рабочих дня.

Общий объем кладки цитадели составляет 9842,4 м³. Проектная трудоемкость затрат, требуемых на ее возведение, составляет 54,566 тыс. чел./часов, т. е. один человек строил бы цитадель более 30 лет. На объекте таких размеров наиболее адекватное количество рабочих составляет 100 человек. Это число каменщиков потратило бы на возведение объекта (от фундамента до мерлонов) порядка 68 рабочих дней. Данные цифры согласуются с предположением о том, что замок был возведен в довольно короткий срок, весной-летом 1393 г.

Сказанное означает, что строительство крепости при указанном объеме кладки и среднем количестве каменщиков в 500 человек заняло бы всего два рабочих сезона, включая строительство рва, всех каменных укреплений в его периметре, а также стен Торгового двора. Этот показатель может быть принят за минимальный.

Теперь применим методику проектных расчетов к самой «концепции долгостроя» Белгородской крепости. Попытаемся выяснить: сколько рабочих должно было трудиться на возведении стен и башен Военного двора, чтобы его строительство продолжалось 19 лет: с 1421 по 1440 г. (Шлапак 2001)?

Совокупный объем кладки двора равен 11915,25 м³, на возведение кото-

рого необходимо затратить 66,068 тыс. чел./часов ручного труда. Чтобы работать с таким объемом 19 лет, на стройке т.н. «Трапецевидной» крепости должно было трудиться всего два человека. Что касается Гражданского двора, то при объеме кладки в 15173 м³ и трудовых затратах 84119 чел./часов, четыре года его строили бы 14 человек (с 1476 по 1479 гг.).

Как известно, ни в одном историческом документе, свидетельствующем о строительстве той или иной крепости в Карпато-Днестровских землях в XIV—XV вв., не фигурируют столь малые объемы трудовых ресурсов, затрачиваемые на сооружение стратегических объектов государственной важности. Тем более, эти данные противоречат свидетельствам источников о самом Белгороде, как городе очень многолюдном.

Таким образом, строительство Белгородской крепости состоялось в течение двух сезонов (или 259 полных рабочих дня). Эти сроки не выглядят невыполнимыми для средневековой Молдавии, что явствует из соответствующих письменных источников. Так, крепость Килия почти равна по площади (7,5 га), а также облику и планировке (Шлапак 2009: 425) (а значит, и по объему использованного камня), Белгороду. Необычайную схожесть этой несохранившейся на дунайских берегах твердыни с ее поднепровским аналогом, иллюстрирует «План-проспект крепости Килия» 1770 г. Судя по изображению, к тому времени крепость сохранила свой первоначальный облик, минимально подвергнувшись турецким модернизациям. Собственно, укрепительные работы коснулись ворот (в Килии они расположены согласно такой же системе размещения Южных и Старых ворот Белгорода), напротив которых, с напольной стороны, османы возвели горнверки. Их соорудили для того, чтобы прикрывать архаичные пролеты в крепостной ограде, ставшие уязвимыми, от обстрелов полевой артиллерии. Кстати, это же относится и к крепости Белгорода, которая, судя по такому же «Плану-проспекту» 1770 г., оставалась практически нетронутой масштабными турецкими модернизациями до появления в регионе ощутимой военной угрозы со стороны Российской империи.

Есть все основания полагать, что план Килийской крепости 1479 г. калькирован с Белгородской. Тем важнее выглядят свидетельства летописей о времени, затраченном на ее постройку, и количестве привлеченных трудовых ресурсов. Согласно свидетельству Бистрицкой летописи, молдавский господарь Стефан Великий привлек в Килию

⁶ Долевой частью является та часть рабочего периода (принятая за единицу), которая необходима данной бригаде для выполнения работ указанного объема.

800 каменщиков и 17 тыс. подсобных рабочих, которые приступили к работам 22 июня, а закончили «в то же лето», 16 июля 1479 г. (СМЛ 1976: 52). То есть, на все ушло 25 дней.

Однако, по мнению исследователей, цифры относительно численности рабочей силы явно завышены, а данные о временных затратах — сильно занижены. И после скептического пересмотра показаний источников, сроки возведения семигектарной, треугольной в плане, опоясанной глубоким водным рвом крепости поместили в «более разумные» рамки. Больше в силу некоей убежденности, нежели в результате математических вычислений, современные исследователи, вопреки Быстрицкой летописи, выдвинули свою версию сроков грандиозной стройки 1479 г. Так, П. П. Бырня полагает, что строительство Килии было начато где-то в 1475/1476 гг. То есть, даже при самых осторожных предположениях, он отвел на это всего лишь три сезона (Бырня 2003: 183).

И, тем не менее, строительство крепости Килии проходило гораздо быстрее, чем в три сезона. Хотя бы потому, что оно не могло развернуться в «грозовые» (по выражению П. В. Советова) для Молдавии 1475-й и 1476-й годы. К лету 1475 г. и без того сложная политическая обстановка в регионе крайне обострилась. Для Молдавии напряжение стало спадать только после битвы при Рэзбоенах летом 1476 г. (Советов 1972: 271). Тем более что во время похода 1475 г. османам, возможно, удалось временно подчинить Килию (Очерки 1979: 77).

То есть, строительство масштабной Килийской крепости могло развернуться лишь в результате этих событий, либо в преддверии их. Но никак не во время оных. Впрочем, летопись и так ясно указывает, когда оно началось и завершилось: «в то же лето» 1479 г. и искать этому надо объяснения, а не опровержения.

Исследователей справедливо смущает указанное число т.н. «подсобных рабочих», которые в таком количестве попросту не смогли бы физически разместиться по всему периметру возводимых ими стен и башен (Шлапак 2001: 167—169). Однако подсобным рабочим как раз и не следовало там размещаться, в то время как число каменщиков на строительстве Килии было адекватным: 800 чел.

Действительно, для Молдавии середины XV в. такая численность мобилизованных соответствовала половине ополчения знаменитой «крестьянской армии» Стефана Великого (Советов 1972). Кого же имела в виду летопись под формулировкой «подсобные рабочие»? Не исключено, что 17 тыс. чел.

в действительности являлись воинами. Ведь известно, что господарю активно препятствовали строить на этом беспокойном пограничье новые укрепления турки. Стефану даже пришлось отбивать нападение весьма внушительного османского отряда, численностью 8 тыс. чел., «приплывшего на кораблях и галерах, чтобы захватить крепость, которую Стефан начал строить на Дунае» (Iorga 1897: 90, 98). Надо ли доказывать, что силами одних лишь каменщиков в такой непростой обстановке обеспечить желаемые темпы строительства было крайне сложно?

Но вернемся к Белгородской крепости и проектно-сметным расчетам. Вернее, к историографическим реалиям по данному вопросу. Наша попытка подойти к решению основных проблем истории Белгородской крепости через определение затратных усилий на ее возведение — не первая в своем роде. Посему кратко представим результаты предшественников, в качестве объяснения причин, побудивших нас к тому, чтобы вновь произвести известные калькуляции.

Подобные вычисления приводит М. Е. Шлапак, но только для Гражданского двора. Однако приведенный ею объем кладки превышает кубатуру всей (!) Белгородской крепости: 58 тыс. м³ (Шлапак 2001: 168), когда реальный объем крепости составляет чуть более 53 тыс. м³.

Итак, согласно подсчетам исследовательницы, на строительство Гражданского двора объемом 58 тыс. м³ (?), потребовалось 345 тыс. человеко-дней (согласно нормам проектно-сметных расчетов, учет требуется вести в человеко-часах). Цифра 345 тыс. человеко-дней означает, что один человек трудился бы на возведении крепости 1669,5 лет, при длине рабочего периода около 203 дней⁷. В качестве наиболее адекватного числа рабочих, требуемых на строительстве Гражданского двора, М. Е. Шлапак приняла 1700 чел.

Следовательно, 1669,5 лет ÷ 1700 чел. = 0,999 рабочего периода. Так как этот период равен 203 дням (по мнению исследовательницы), то 0,999 × 203 = 202,8 рабочих дня. Это означает, что 1700 человек были бы заняты на строительстве стен и башен с общей кубатурой кладки, превышающей реальные размеры Белгородской крепости, всего 202,8 дня, или один сезон с апреля по ноябрь.

Получив такие цифры, на последующих страницах своей монографии М. Е. Шлапак

⁷ Здесь рабочий период вычислен по данным, приведенным исследовательницей: с учетом четырех праздников и одного выходного дня в неделю (Шлапак 2001: 168).

№6. 2010

продолжает утверждать, что Белгородская крепость — сооружение поэтапное, которое строилось более полувека (Шлапак 2001: 197—198).

К сожалению, исследовательница не раскрывает цепочку расчетов, которые привели ее к таким результатам, поэтому попробуем восстановить логику рассуждений самостоятельно. Судя по всему, расчеты производились «от обратного». То есть, от заведомо принятого числа возможных участников строительства, которое взято на основании серии документальных сообщений XV в. о количестве рабочих, занятых в других масштабных строительных проектах (Брун 1853; СМЛ 1976).

Определив это число, как 1700 чел., исследовательница умножила его на количество дней теплого периода года, пригодного для ведения строительных работ (также известное заранее). Поэтому: $1700 \div 202,8 = 344,760$. Так в вычислениях появилось значение 345 тыс. чел./дней. Но почему оно превратилось в «человеко-дни», когда следовало бы оперировать понятием чел./часов? Дело в том, что подсчеты в чел./часах дали бы еще более сжатый срок по трудозатратам: 1700 чел. возвели бы крепость (и даже не двор) с объемом камня в 58 тыс. м³ всего за 25 дней (почти как в Килие!).

Основатели Белгородской крепости

В ноябре 1440 г. на центральной, разделительной стене оборонного комплекса Белгорода, сооруженной после окончания основных внешних укреплений, зодчие водрузили памятную закладную таблицу с указанием, что при «благочестивейшем Воеводе земель Молдавских, Стефане II» крепость («кастрон») окончена. Выше уже говорилось, что строительство крепости при указанном объеме кладки и условном количестве каменщиков в 500 человек заняло бы два рабочих сезона, включая строительство рва, а также всех каменных укреплений в его периметре и стен Торгового двора.

Таким образом, достаточно вычесть из указанной даты два года и получить время основания крепости. И эта дата не покажется столь уж гипотетичной, если учесть сообщения письменных источников о том, что господарь Стефан II захватил Белгород именно в 1438 г., во времена «смут» в Молдавском княжестве (Бырня, Руссев 1999: 189, 237). Строительство данной крепости отвечало требованиям военного присутствия правителя Цара де жос в подчиненном городе.

Очень вероятно, что все работы выполнялись не только силами местных вольнонаемных (при руководстве мастеров греческой общины), а прежде всего военными отрядами Стефана II. Поэтому с учетом модернизации укреплений, проведенной Стефаном III Великим в середине 1470-х гг., Белгород по праву можно назвать «крепостью двух Стефанов».

Рассмотрим причины, которые побудили одного из господарей приступить к реализации столь грандиозного фортификационного проекта в Северо-Западном Причерноморье, а второго заняться его совершенствованием.

На первый взгляд может показаться, что «катализатором» основания Белгородской крепости, а также всех последующих ее модернизаций в доосманский период, стали всплески военной агрессии со стороны Турецкой империи в Северо-Западном Причерноморье (Гонца 1984: 18—30). Отчасти это верно, но с известными оговорками, особенно применительно к раннему периоду османской экспансии в регионе, когда первые «вымогательские» морские походы турок к черноморским берегам еще даже не были осознаны современниками как реальная и долгосрочная угроза.

Так, господарь Александр Добрый, на чье правление пришелся первый «разведочный» поход турок на Килию и Белгород в 1420 г., похоже, вообще оценил угрозу как перманентную. И после ухода неприятеля вернулся к традиционным выяснениям своих отношений с венграми и литовцами (Очерки 1979). Более того, Стефан II, в памяти которого этот поход наверняка превратился в эпизодическое событие пятнадцатилетней (!) давности, похоже, строил крепость в Белгороде вовсе не из расчета на стратегические намерения Порты. Учитывая, что очередной поход турок в Северо-Западное Причерноморье (и на Белгород в частности) состоялся только через 16 лет после предполагаемого нами основания крепости. Выступая как заказчик оборонительного комплекса, Стефан II оставался крайне прагматичным правителем, типичным отпрыском феодальной эпохи. Строительством крепости он добивался в это «смутное» для него и страны время защиты своей собственной жизни и создания военно-политической базы для захвата молдавского престола с целью консолидации страны.

Единственным же основанием для предположений о строительстве крепости при Александре Добром в результате похода 1420 г. (Шлапак 2001: 27) может послужить неопределенная фраза Ланнуа о том, что Монкастро — «укрепленный город»

(Брун 1853: 439). Теоретически, крепость могла быть заложена и в период обострения отношений с литовцами (1421 г.) или поляками (1431 г.). Однако исследователи ставят под сомнение не только сам факт строительства молдавских крепостей при Александре Добром, но и даже осуществление каких-либо особых работ по их ремонту (Бырня 1984: 81).

Вся серьезность отношений с турками для Молдавского княжества стала очевидной лишь после первых принуждений к выплате дани, в середине 1450-х годов. Именно тогда для государства наступила новая эпоха, породившая нового правителя. Его усилиями к середине 1470-х годов Белгородская крепость превратилась в наиболее грандиозное архитектурное сооружение своей эпохи во всем Северо-Западном Причерноморье, от юго-западных берегов Крыма, до устья Дуная. Но, к сожалению, не в самое совершенное.

С фортификационной точки зрения оборонительный комплекс Белгорода доосманского периода относится к эпохе предшествующей эффективному применению осадной пороховой артиллерии (Шперк 1957; Яковлев 1931; Шуази 1935).

Стефан III Великий реализовал тот план модернизации в Белгороде (и фортификационных работ в Килие), который требовала крайне сложная политическая обстановка в Северо-Западном Причерноморье. Но в проектом отношении эти работы не предусмотрели развития новых методов артиллерийской осады крепостей (даже после печального опыта Константинополя (Рансимен 1983)).

Известны минимум три попытки осады Белгорода турками (не считая кампании 1484 г.), а также один случай вторжения турецких войск в Дунай-Днестровское междуречье, когда город не был потревожен (Гонца 1984: 16—23). Именно эти военные операции, судя по памятным строительным таблицам и «спровоцировали» промежуточные строительные этапы в Белгородской крепости, предполагавшие ее модернизацию и усовершенствование. Но само основание Белгородских укреплений было вызвано внутривосточными причинами в княжестве, а не угрозой извне. После смерти Александра Доброго его наследник и старший сын Ильяш получает серьезного соперника на престол в лице младшего брата, Стефана II (Очерки 1979: 56). Но в 1435 г., при посредничестве польских дипломатов, между братьями были заключены соглашения о разделе княжества на «Страну Верхнюю» и «Страну

Нижнюю», с сохранением господарского титула за Ильяшем (Очерки 1979: 57).

И уже в 1438 г. мир между братьями оказался нарушен. В этом году Стефан II захватил Белгород (не входивший, видимо, в состав его «Нижней страны»), и стал «единоличным правителем этого приднестровского центра стратегического значения». На некоторое время (где-то до 1442 г., пока хрупкое «соглашение между братьями окончательно не рухнуло»), он даже превратил Белгород в столицу своей «Цара де жос» и наладил выпуск собственных денег (Бырня, Руссев 1999: 189, 237). С этим событием и следует связывать основание оборонного комплекса в Белгороде.

После смерти Стефана II в 1447 г. и вплоть до начала правления Стефана III Великого (1457 г.) в истории Молдавского княжества не будет ни одного господаря, который сумел бы задержаться на престоле более двух лет подряд (за исключением Богдана II, который правил около трех лет). Правление большинства из них ограничивалось одним годом. Частая смена господарей, внутривосточная нестабильность княжества, его зависимость не только от европейских вассалов, но и от даннических обязательств перед Турцией, делало маловероятным основание большой и дорогостоящей крепости в период междоусобия двух Стефанов в городе с широкими правами автономии.

Впервые активизация османской угрозы повлияла на модернизацию белгородских укреплений лишь в 1454 г., когда пыркалаб Станчул замуровал Старые ворота путем сооружения башни № 3. Вряд ли княжеский бюджет «смутного» времени позволял ему совершить нечто большее, чем попросту упразднить один из самых уязвимых, с точки зрения полиоркеттики, участков обороны.

Турки подошли к Белгороду через тридцать четыре года после первой его осады, летом 1454 г. Турецкий флот (показавший себя не столь уж умело в битвах под Константинополем годичной давности (Рансимен 1983)) состоявший из 60-ти судов, управляемых капуданом Тимиркаем, пришел в Черное море с целью сбора дани с генуэзцев, но сначала направился к Белгороду (Мыц 2009: 237).

О характере похода свидетельствует уже хотя бы то, что турки посчитали крепость неприступной, сняли невыгодную им осаду и поскорей направились к Каффе (Бырня 1997: 119). Тем не менее, шантаж удался: уже через год Молдавское княжество снарядило посольство в Стамбул, где султан поставил условием выплату ежегодной

дани в размере 2000 золотых (Гонца 1984: 18). Е. Ч. Скржинская называет этот поход турецкой эскадры в Черное море «небольшой экспедицией». Зато по ее итогам не только Молдавия, но и Каффа обязалась выплачивать султану дань — в 3000 дукатов (Скржинская 2006: 135). Действительно, это была первая, с начала правления Мехмеда II, военно-морская экспедиция, и она носила, скорее всего, характер рекогносцировки (Мыц 2009: 239).

В XV в. османская агрессия в Северо-Западном Причерноморье развивается поступательно, оставляя Молдавии достаточно времени и сил не только на укрепление собственных границ, но также на осознание происходящего, и даже на контрнаступления (в пределах Валахии) (Гонца 1984: 19).

Стефан III Великий (1457—1504 гг.) разворачивает активную и повсеместную строительную деятельность (в том числе и фортификационную) в пределах Молдавского княжества. Значительно были расширены и укреплены Сучавская, Нямецкая крепости. Построены две новые: деревянно-земляное укрепление в Сороках, крепость в Старом Орхее. В Хотине происходят значительные ремонтные работы (Очерки 1979: 71). Но главное — на юго-восточных рубежах княжества в рекордные сроки возводится Новая Килия, а незадолго до этого в Белгороде сооружаются Килийские ворота, происходит перепланировка южной и восточной линий обороны.

Османская опасность при Стефане Великом вошла в третью, самую активную фазу. Она вынуждала господаря к поиску союзников. Вспомнились давние отношения господарей с Мангупским княжеством (Мыц 2009: 403). Он также устанавливает отношения с Венецией и Римским папством. В конечном итоге, воспользовавшись занятостью султана Мехмеда II в военных действиях с Узун-Хасаном, союзники объединились с Венгрией, Неаполитанским королевством и Кипром в антиосманскую лигу (Очерки 1979: 76). Турецкая опасность заставляет даже Каффу в 1471 г. перейти в отношениях со своим давним врагом — княжеством Феодоро, от «конфликтов» к «контактам» (Мыц 2009: 402).

Через 11 лет после своего последнего вторжения, в 1475 г. турецкая армия предпринимает новый поход в Северное Причерноморье, направленный против генуэзских торговых колоний в Крыму (Гонца 1984: 22). Сразу же после взятия Каффы султан Мехмед II направил галеры на Белгород с приказом: «чтобы

флот шел без промедления». Тем не менее, крепость выстояла, а османское наступление оказалось скомканным в виду незапланированного, длительного и упорного сопротивления Мангупа. Туркам удалось выгрузить на берег четыре пушки, но защитники Белгорода ночью захватили их, загнав турок в воду (Бырня 1997: 120—121).

Этот странный военно-морской выпад султан приказал дублировать сухопутной операцией, отправив против Молдавии почти стотысячную армию. Молдавское войско Стефана III насчитывало всего 40 тыс. чел., что по меркам княжества немало. Утром 10 января 1475 г. Стефан начал сражение под городом Васлуй (Очерки 1979: 77—78). Разгром турок, надо полагать, оказался полной неожиданностью как для султана, так и для «международного сообщества». Впервые европейской державе удалось одержать над османами столь крупную победу (Мыц 2009: 405).

Учитывая эти события, Килийские ворота в Белгороде должны были быть закончены не позже чем к началу лета 1476 г. Описанные выше события послужили фоном, на котором в Белгороде разворачивалась модернизация южной и юго-восточной линий обороны. Килийские ворота оказались последним звеном в этой серии работ, а не первым, как предполагалось. Следовательно, их начало можно отнести к годам не многим более ранним: к 1474—1475 гг., и связать с подготовкой крепости к ожидаемому нападению турецкой эскадры.

Следующий, 1476 г. принес Стефану III новую тяжелую войну с Мехмедом II. Только теперь султан начал готовить отдельный поход на Молдавию, собрав большое войско (численностью в 100—200 тыс. чел.). Перед наступлением султан направил молдавскому господарю ультиматум, в котором выдвинул несколько требований. А именно: погасить задолженность по дани за три года, отдать Килию, отправить в Стамбул в качестве заложника своего сына, вернуть «рабов» с турецкого корабля, захваченного во время летней кампании 1475 г. плененными в Каффе генуэзцами и нашедших убежище в Белгороде. Стефан, разумеется, ответил молчанием (Мыц 2009: 500).

Летом 1476 г. (между 10 и 25 июня) турецкое войско, на этот раз во главе с самим султаном, форсировало Дунай у Исакии и вторглось на территорию княжества (Очерки 1979: 80). Стефан Великий располагал войском в 10—12 тыс. человек, но, тем не менее, ему удалось принудить турок к отступлению после

генерального сражения при Разбоянах 26 июля 1476 г., и даже разгромить часть войска при переправе через Дунай (Мыц 2009: 501).

Одновременно с османами, с востока в Молдавию вступил десятитысячный отряд татарского хана Менгли-Гирея. В его задачу входило поддержать турок на противоположном фланге. Хан направился к Белгороду, но потерпел поражение, а часть турецкого флота, строившего некий мост где-то «ниже Белгорода», была рассеяна горожанами (Бырня 1997, 121). Крепость снова выстояла.

После кампании 1476 г. наступило «время затишья» и в отношениях княжества с османами, которое продлилось вплоть до 1484 г. Пользуясь передышкой, Стефан приступает в 1479 г. к строительству новой крепости в Килие, видимо, взяв за образец планировку Белгорода, показавшего к тому времени свою эффективную обороноспособность.

Но буквально через пять лет Килия перейдет под власть османов, равно как и Белгород. Судьбы двух крепостей были решены задолго до осады 1484 г. В результате ряда удачных дипломатических маневров, турки, наконец, сосредоточили свое внимание исключительно на приобретении «ключей от Валахии, Польши и Крыма» (Гонца 1984: 33). После падения крымских крепостей эти два города Дунай-Днестровского междуречья оставались едва ли не последними на пути более чем полувековой экспансии турок в Причерноморском регионе.

* * *

Фортификационный комплекс Белгородской крепости возник и сформировался в строгой зависимости от контекста этнополитической обстановки, динамично изменявшейся в Северо-Западном Причерноморье в период с 1390-х — 1480-е гг. Проведенный историко-архитектурный анализ позволил выделить пять основных строительных периодов (до османского завоевания):

I этап. Весна-осень 1393 г. — основание и строительство цитадели; в более широком хронологическом диапазоне XIV-го в. возник христианский одноапсидный храм в нынешнем Гражданском дворе.

II этап. 1438 — ноябрь 1440 гг. — основание и строительство рва, а также башен при его устьях, разбивка всей линии каменных укреплений; основание и строительство Торгового двора, внешних западных стен крепости и башен № 25, № 28; Водяных ворот, восточных стен и башен Военного двора и организация Старых ворот; строительство разделительной стены с башнями № 24, № 26; сооружение узловых башен № 11, № 17, № 20,

а также башен № 29 и № 27 на периболле, и линии протейхизмы; наконец, основание в южном секторе Южных ворот.

III этап. Март 1454 г. — возведение башни № 3 и упразднение Старых ворот.

IV этап. 1474—1475 гг. — модернизация южной и восточной линий обороны Гражданского двора (создание каменных куртин и промежуточных башен, упразднение Южных ворот).

V этап. До середины июня 1476 г. — возведение надвратной башни Килийских ворот и платформы во рву для подъемного моста⁸.

Цитадель — самый ранний элемент в нынешней системе укреплений крепости. Судя по архитектурным и конструктивным признакам сооружения, ее заказчик настаивал на срочной реализации проекта, предполагая потенциальную угрозу городу со стороны Днестровского лимана (левого берега). Заказчиком замка выступил молдавский господарь Роман I Мушат. Это строительство могло быть связано не только с угрозой литовского вторжения на наиболее уязвимом участке по всему нижнему течению Днестра, но и с желанием укрепить авторитет правителя Молдавского княжества в новоприсоединенных землях.

Менее чем через полвека вокруг цитадели сформировались куда более мощные фортификационные укрепления, и прежний замок был включен в их состав как внутреннее ядро всей системы обороны. О единовременном строительстве крепости говорит и анализ ее планировки. Разбивка крепости на местности была произведена с помощью трех медиан, по которым зодчий вынес десять узловых точек. В этих точках были заложены «основные» башни крепости. Вся крепость была разбита согласно единому модулю, принятому средневековым архитектором за исходную меру расстояния (30 м).

⁸ Недавние исследования автора в Бендерской крепости позволили установить полную идентичность многоугольных полубашен ее внутреннего рва с полубашнями южного и юго-восточного фронтов Белгородской крепости №№ 7—10, 12—16, 18. Установленная для бендерских башен дата сооружения — 1584 год (см. статью автора в Сугдейском сборнике за 2010 год) позволяет перенести ее и на аналогичные укрепления в Белгороде. Таким образом, это несколько уточняет последовательность строительных этапов в пределах Гражданского двора. Самыми ранними на этом участке являются башни №№ 11, 17, 20. Башня № 6 пристроена в 1476 году к системе куртин, а в конце XVI века, возможно, под общей угрозой польско-казацких вторжений, была кардинально перестроена южная и восточная линии Гражданского двора — созданы многоугольные полубашни.

Таким образом, в строительстве оборонного комплекса Белгорода можно выделить два основных хронологических периода: 1) вторая половина 30-х гг. XV в.; 2) первая половина 70-х гг. XV в.

Стимулом для первого периода послужили затяжные междоусобные конфликты двух претендентов на молдавский престол — Стефана II и его брата Ильяша, в результате чего страна была поделена на сферы влияний, а Белгород в 1438 г. превратился в столицу Цара де жос господаря Стефана II. Во втором периоде сыграла свою роль турецкая военная экспансия в Северо-Западное Причерноморье. Белгородская крепость, которая превратилась к середине 70-х гг. XV в. в одну из главных целей османской военной агрессии в регионе, испытала на себе серьезные изменения. Модернизация оборонной линии, перенесение главных ворот на восточный фронт и т. п. проводится в эпоху правления господаря Стефана Великого, в преддверии войны Молдавского княжества с турками 1475 г. На это косвенно указывает хронология перестроек южной и восточной линии обороны Гражданского двора (пер. пол. 1470-х гг.), хотя документальные сведения о перестройках Белгорода отсутствуют.

В контексте данной модернизации расположение Южных ворот на южной линии обороны Гражданского двора (по оси центрального базиса разбивки), в системе «бывших дотоле земляных укреплений» (?) (Кочубинский 1901: 147), показалось пыркалабам уязвимым. Поэтому новые ворота, Килийские, заняли центральное положение во всей восточной линии крепостных укреплений.

Характер перестроек подтверждает выводы отечественных исследователей о некотором запаздывании преобразований средневековой фортификации Причерноморья по отношению к развитию новой тактики штурма крепостей. Влияние огнестрельного оружия на форму крепостных оград стало ощущаться только в последней трети XV в. (Мыц 2009: 507), когда оборонный комплекс Белгорода был уже давно окончен. Наступившие для него с 1484 г. времена «провинциализации» под властью новых хозяев не предполагали радикальных изменений. Во всех русско-турецких войнах, которые коснулись Белгорода, он сдавался практически без боя — его судьба теперь решалась на других полях сражений, под стенами иных крепостей.

Литература

- Айбабина Е. А. 2001. *Декоративная каменная резьба Каффы (XIV—XVIII вв.)*. Симферополь: Сонат.
- Анисимов А. М. 2001. *Гидрогеологическое заключение о современном состоянии эксплуатационных запасов подземных вод Белгород-Днестровского месторождения в Одесской области*. Архивные Фонды Причерноморского государственного регионального геологического предприятия, № 3270. Одесса.
- Бертье-Делагард А. Л. 1900. О состоянии Аккерманской крепости. *ЗООИД* XII, 75—82.
- Брун Ф. К. 1853. Путешествия и посольства господина Гильберга де Ланнуа, кавалера Золотого руна, владельца Санта, Виллерваля, Троншиена, Бомона, Вагени в 1399—1450 гг. (Текст и археографическое вступление). *ЗООИД* III, 433—465.
- Бруяко И. В., Сапожников И. В. 2000. Белгород-Днестровская крепость, как памятник военно-инженерного искусства (основные этапы истории конца XIV — начала XV вв.). *Stratum plus* (5), 443—451.
- Бугаева Н. И. 2006. Рукописные и печатные трактаты по архитектуре XV—XVI вв. *Архитектон* 15.
- Бырня П. П. 1997. Из истории молдавского Белгорода — Четата Албэ. *Аккерманские древности*, 107—126.
- Бырня П. П. 1984. *Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV — начало XVI в.)*. Кишинев: Штиинца.
- Бырня П. П. 2003. Килия и Нижний Дунай в эпоху Стефана Великого. *Stratum plus* (6), 180—189.
- Бырня П. П., Руссев Н. Д. 1999. Монеты средневековой Молдавии. Историко-нумизматические очерки. *Stratum plus* (6), 176—262.
- Витрувий. 1936. *Десять книг об архитектуре* (перев. Ф. А. Петровского). Москва: Изд-во Академии архитектуры.
- Войцеховский В. А. 1972. Строительные надписи на стенах крепости в Белгород-Днестровском. *Юго-Восточная Европа в средние века*, 371—374.
- Войцеховский В. А. 1969. Этапы строительства крепости в Белгород-Днестровском. *Материалы научно-технической конференции Кишиневского Политехнического института*, 341.
- Герцен А. Г. 1990. Крепостной ансамбль Мангупа. *МАИЭТ* 1, 88—166.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. 1992. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале. В: Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). *Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму*. Симферополь: Таврия, 182—192.
- Гонца Г. В. 1984. *Молдавия и Османская агрессия в последней четверти XV — первой трети XVI века*. Кишинев: Штиинца.
- Егоров В. Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды*. Москва: Наука.
- Кирилло В. П. 2005. *Крепостной ансамбль Фуны (1423—1475 гг.)*. Киев: Стилос.
- Ключник А. 1977. *Белгород-Днестровский*. Одесса.
- Коновалова И. Г. 1989. Торговая фактория в Килие (по данным нотариальных актов 1360—1361 гг.). *Известия АН Молдавской ССР. Серия общественных наук* (1), 14—21.
- Кочубинский А. А. 1889. Лапидарные надписи XV столетия из Белгорода, что ныне Аккерман. *ЗООИД* XV, 506—547.
- Кочубинский А. А. 1901. Тира-Белгород-Аккерман (и его новая лапидарная надпись от 1454 г.). *ЗООИД*

- XXIII, 79—178.
- Кравченко А. А. 1986. *Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII—XIV вв.)*. Киев: Наукова думка.
- Красножон А. В., Картелян Е. Д. 2008. Сакральные знаки Белгород-Днестровской крепости. *Юго-запад Одессика* (5), 43—62.
- Красножон А. В., Картелян Е. Д. 2009а. Античные знаки-символы Белгород-Днестровской крепости. *Stratum plus* (4), 446—463.
- Красножон А. В., Картелян Е. Д. 2009б. Модульные отношения в архитектуре Белгород-Днестровской крепости. *Историческая сфера*, 62—77.
- Крыжицкий С. Д. 1993. *Архитектура античных государств Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Логвин Г. Н. 1978. *Украинское искусство второй половины XIII—XVI вв. Архитектура в системе художественной культуры*. Фонды НИИТАГ. Инв. № 1140. Киев.
- Мезенцева Г. Г. 1981. Раскопки в Белгород-Днестровской крепости. *Археологические открытия 1980 г.*, 508.
- Мурзакевич Н. 1850. Аккерманские греческие надписи. *ЗООИД II*, 480—483.
- Мьц В. Л. 2009. *Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты*. Симферополь: Универсум.
- Овчаров Д. 1982. *Византийски и български крепости V—X век*. София: Изд-во на БАН.
- Одесский астрономический календарь*. 2006. Одесса: Астропринт.
- Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XV вв.)*. 1979. Кишинев: Штиинца.
- Полевой Л. Л. 1979. *Очерки исторической географии Молдавии (XIII—XV вв.)*. Кишинев: Штиинца.
- Прокофьева Н. И. 1971. Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину (Текст и археографическое вступление). *Вопросы русской литературы (Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина)* 435, 12—42.
- Рансимен С. 1983. *Падение Константинополя в 1453 г.* Москва: Наука.
- Раппопорт П. А. 1994. *Строительное производство Древней Руси (X—XIII вв.)*. Санкт-Петербург: Наука.
- Репников Н. И. 1932. Остатки укреплений Эски-Кермена. *ИГАИМК* 12, 181—212.
- Руссев Н. Д. 1999. *На грани миров и эпох (города низовий Дуная и Днестра в конце XIII—XIV вв.)*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.
- Руссев и др. 2003: Руссев Н. Д., Кроитор Ж. Б., Лазо Ю. В. Стефан Великий в обстоятельствах времени (антропологические эскизы). *Stratum plus* (6), 19—62.
- Скржинская Е. Ч. 2006. *Судакская крепость. История-археология-эпиграфика*. Киев; Судак; Санкт-Петербург: Академперіодика.
- Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв.* 1976. Москва: Наука.
- Советов П. В. 1972. *Исследования по истории феодализма в Молдавии. Т. 1. Очерки истории землевладения в XV—XVIII вв.* Кишинев: Штиинца.
- Страбон. 1994. *География (пер. с др.-греч. Г. А. Стратоновского)*. Москва: Ладомир.
- Фондорко Е. Е. 2001. Семантика координатных построений в архитектуре. *Проблемы теории и истории архитектуры Украины* (2), 104—108.
- Цабель С. А. 1902. Фронт. *ЭСБЕ* (36а), 769—77.
- Челеби Э. 1961. *Книга путешествия (Земли Молдавии и Украины)*. Вып. 1. Москва: Наука.
- Шлапак М. Е. 2000. Самая загадочная надпись Белгород-Днестровской крепости. *Stratum plus* (6), 260—265.
- Шлапак М. Е. 2001. *Белгород-Днестровская крепость (исследование средневекового оборонного зодчества)*. Кишинев: ARC.
- Шлапак М. Е. 2005. По следам молдавского пыркэлаба. *Stratum plus* (6), 473—478.
- Шлапак М. Е. 2009. Килийская каменная крепость. *Stratum plus* (6), 421—429.
- Шперк В. Ф. 1957. *История фортификации*. Москва: Издание Военно-Инженерной академии.
- Шуази О. 1935. *История архитектуры (в двух томах)*. Т. 2. Москва: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры.
- Эко У. 2004. *Эволюция средневековой эстетики*. Санкт-Петербург: Азбука-классика.
- Якобсон А. Л. 1986. *Армянские хачкары*. Ереван: Айтастан.
- Яковлев В. В. 1931. *История крепостей: эволюция догосударственной фортификации*. Москва: Изд-во НАРКОМата обороны Союза ССР.
- Arbure Z. 1901. Inscriptiunea de la Cetatea Albă. *NRR. București*.
- Bogdan I. 1908. Inscriptiile de la Cetatea Albă și stăpînirea Moldovei asupra ei. *AARMSI. T. XXX. București*.
- DRH M.* 1975, 1976, 1980. *Moldova. Vol. I.* (1384—1448); II. (1449—1486); III. (1486—1504). *București*.
- Dumitriu-Snagov I. 1979. *Țările Române în sec. XIV. Codex Latinus Parisinus-7239. București*.
- Cetăți pe Nistru*. 1998. Chișinău.
- Gorovei Șt. S. 1994. Enigmele Cetății Albe. *Magazin istoric* 8, 9. *București*.
- Iorga N. 1897. *Acte și fragmente cu privire la istorie Românilor (IAF)*. Vol. II, III. *București*.
- Tanoviceanu I. 1901. Iar inscripția de la Cetatea Albă. *NRR. București*.

Статья поступила в номер 10 ноября 2009 г.

Andrei Krasnozhon (Odessa, Ukraine). South Ukrainian National Pedagogical University named after K. D. Ushynsky.

Andrei Krasnozhon (Odesa, Ucraina). Universitatea pedagogică de stat din Ucraina de sud „K. D. Ușinski”.

Красножон Андрей Васильевич (Одесса, Украина). Южноукраинский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.

e-mail: ahmar@mail.ru